

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

_____
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

_____
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Следственные действия в уголовном процессе России»

Студент

И.Б. Старицын

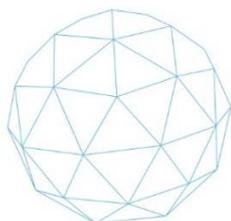
_____
(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, А.В. Закомолдин

_____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие, сущность, признаки и система следственных действий в уголовном процессе России.....	7
1.1 Понятие, сущность и признаки следственных действий	7
1.2 Система следственных действий	15
Глава 2 Классификация следственных действий и общие правила их производства в уголовном процессе России	26
2.1 Классификация следственных действий.....	26
2.2 Анализ общих правил производства следственных действий в уголовном процессе России	30
Глава 3 Анализ проблем производства отдельных следственных действий в уголовном процессе России.....	39
3.1 Осмотр	39
3.2 Освидетельствование	41
3.3 Следственный эксперимент	44
3.4 Обыск и выемка	46
3.5 Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления.....	51
3.6 Контроль и запись переговоров. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами	54
3.7 Допрос и очная ставка	59
3.8 Предъявление для опознания	62
3.9 Проверка показаний на месте	64
3.10 Производство судебной экспертизы	68
Заключение	72
Список используемой литературы и используемых источников	80

Введение

Актуальность исследования. Различные аспекты нормативной регламентации и практики производства следственных действий в российском уголовном процессе были и продолжают оставаться предметом неухающих научных дискуссий, что, во многом, обусловлено отсутствием единства взглядов на понятие, систему и саму сущность следственных действий как в современной уголовно-процессуальной науке, так и основанной на её положениях правоприменительной практике.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [81] (УПК РФ), увы, не привело к полному разрешению имевших место проблем правоприменения.

Указанные теоретические проблемы обуславливают неоднозначность нормативной регламентации производства следственных действий, создавая тем самым предпосылки для проведения дальнейших исследований в указанной сфере в целях возможной оптимизации уголовно-процессуального законодательства и соответствующей ему правоприменительной практики.

Отмеченное со всей очевидностью обуславливает актуальность обозначенной темы магистерского исследования и предопределяет необходимость научной проработки актуальных проблем, связанных с нормативной регламентацией и практикой применения следственных действий в уголовном процессе России.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы производства следственных действий в разное время являлись предметом исследования многих учёных как в советский, так и в постсоветский период. Следует выделить работы таких авторов как: Баев М.О., Баев О.Я., Безлепкин Б.Т., Белкин Р.С., Быков В.М., Быховский И.Е., Кальницкий В.В., Ларин А.М., Россинский С.Б., Францифоров Ю.В., Шейфер С.А., Шумилин С.Ф., Шурухнов Н.Г. и других.

Объект исследования - уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе производства следственных действий.

Предмет исследования - уголовно-процессуальные нормы, а также материалы судебной практики, касающиеся различных аспектов производства следственных действий.

Цель исследования - рассмотреть и проанализировать проблемы производства следственных действий в уголовном процессе России.

Задачи исследования:

- определить понятие, сущность и признаки следственных действий;
- рассмотреть подходы к определению системы следственных действий;
- рассмотреть подходы к классификации следственных действий;
- произвести анализ общих условий производства следственных действий в уголовном процессе России;
- произвести анализ проблем производства отдельных следственных действий в уголовном процессе России, таких как: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, производство судебной экспертизы.

Методологическая основа исследования В основе проведенного исследования лежит метод сравнительного анализа, логико-структурный анализ норм уголовного закона Российской Федерации, логический и аналитический метод.

Нормативно-правовая основа магистерского исследования включает в себя положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а

также иные Федеральные законы, а также материалы правоприменительной практики.

Теоретическая основа исследования включает в себя учебную литературу, комментарии к действующему законодательству, монографии и научные статьи.

Научная новизна исследования обусловлена комплексным подходом к исследованию института следственных действий и анализ процессуальных проблем их производства в их единстве.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях обозначенной в магистерской диссертации проблематики, а также при подготовке учебных материалов для учебного процесса.

Положения, выносимые на защиту.

Предлагается следующее авторское определение понятия «следственные действия»: это производимые следователем или дознавателем (органом дознания) в досудебном производстве уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Для устранения существующих споров относительно сущности и категоризации следственных действий представляется целесообразным нормативно закрепить соответствующее понятие на законодательном уровне в рамках ст. 5 УПК РФ. Также следует законодательно определить исчерпывающий перечень следственных действий, чтобы способствовать устранению дискуссии о разновидностях этих процессуальных действий.

Сделан вывод о том, что пополнение системы следственных действий новыми способами, направленными на получение нового, или проверку уже имеющегося доказательства, должно осуществляться только после его практической апробации, в ходе которой должна проверяться теоретическая и практическая состоятельность такого приёма.

На вопрос о возможности включения проверки на полиграфе (ПФЭ) в систему следственных действий следует ответить отрицательно, поскольку получаемые в ходе производства психофизиологической экспертизы результаты не являются надёжными. Практика признания результатов психофизиологической экспертизы в качестве доказательства по уголовным делам противоречива - можно лишь предполагать, но никак не утверждать о достоверности выводов, полученных в ходе психофизиологических исследований на полиграфе.

В целях устранения неточностей и противоречий в общих правилах производства следственных действий, представляется необходимым внести изменения в ч. 1 и ч. 2 ст. 164 УПК РФ.

Упоминание в ч. 1 ст. 164 УПК РФ ч. 3 ст. 178 УПК РФ видится излишним и нарушает общую логику нормы, касающейся санкционирования следственных действий. Представляется необходимым убрать из ч. 1 ст. 164 УПК РФ данное упоминание. Таким образом, ч. 1 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «Следственные действия, предусмотренные статьями 179, 182 и 183 настоящего Кодекса, производятся на основании постановления следователя». В ч. 2 ст. 164 УПК РФ следует внести изменение, убрав ссылку на п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Таким образом, ч. 2 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «В случаях, предусмотренных пунктами 4-8, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения».

Структура исследования. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, сущность, признаки и система следственных действий в уголовном процессе России

1.1 Понятие, сущность и признаки следственных действий

Следует отметить отсутствие единообразия в понимании как понятия, так и сущности следственных действий. Данный вопрос продолжает оставаться дискуссионным, порождая многочисленные споры в научных кругах не одно десятилетие. Также нет единства мнений и относительно того круга процессуальных действий, которые правомерно именовать следственными.

Как верно отмечено С.Б. Россинским, «наиболее важным вопросом, подлежащим первостепенному разрешению, является вопрос об уголовно-процессуальной и гносеологической сущности следственных действий в контексте их познавательной направленности» [63, с. 16].

В первую очередь, отсутствию единообразного понимания понятия и сущности следственных действий способствует отсутствие нормативного закрепления соответствующей дефиниции данной процессуальной категории как в ст. 5 УПК РФ, так и в иных его нормах, несмотря на то, что сам оборот «следственные действия» законодатель в тексте УПК РФ употребляет весьма активно. Более того, данная категория используется законодателем и в иных нормативно-правовых актах: Уголовном кодексе Российской Федерации [81] (УК РФ) – ст. 200.1, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [77] (УИК РФ) – ст. 77.1, в Федеральном законе «О полиции» [83] – ст. 12 и так далее, что говорит о значимости данной категории в правоприменительной практике.

В связи с этим мы полностью согласны с З.В. Макаровой в том, что «отсутствие данного понятия в УПК РФ трудно объяснить» [44, с. 44].

Анализ содержания отдельных уголовно-процессуальных норм также не способствует выделению сущности следственных действий, что и обостряет существующую проблему в ещё большей степени.

Спектр научных мнений на данный счёт широк, но, «все имеющиеся здесь научные позиции можно условно разделить на две традиционные группы - предполагающие трактование термина "следственные действия" в широком либо в узком смысле» [93, с. 5-6] - как писал С.А. Шейфер.

Рассмотрим данные подходы более подробно, выделяя основные аспекты. В широком смысле в категорию «следственные действия» включают любые процессуальные действия следователя, без какой-либо дифференциации данных действий по их целевой направленности.

Например, И.М. Лузгин под следственными действиями понимал: «а) действия, посредством которых осуществляются собирание, проверка и исследование доказательств; б) действия, посредством которых регулируется процесс расследования, определяются его границы, сроки и порядок проведения; в) действия, связанные с предъявлением всего производства по делу соответствующим участникам процесса» [43, с. 58-59].

Подобные содержательно подходы выражались в работах таких учёных, как А.М. Ларин [41], Г.Г. Доступов [21], А.П. Кругликов [38] и других специалистов.

При толковании данной категории в узком смысле учёные исходят из определённой целевой направленности следственных действий (что отсутствует в широком подходе). В качестве цели, которая обуславливает производство следственных действий, специалистами выделяется собирание новых или проверка уже имеющихся в уголовном деле доказательств.

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин под следственными действиями подразумевали «те процессуальные действия, при помощи которых обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства. При этом, если каждое следственное действие непременно является процессуальным, то не

всегда бывает наоборот: существует ряд процессуальных действий, которые не относятся к числу следственных в тесном смысле слова» [24, с. 108-109].

С.А. Шейфер определяет следственное действие как «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [93, с. 38].

Такая позиция представляется наиболее приемлемой, так как благодаря разграничению действий следователя по их целевой направленности становится возможным разделить их на, собственно, следственные и иные процессуальные действия, что невозможно при использовании широкого подхода, который настолько «размывает» искомую категорию, что «приводит к абсолютной бессмысленности их дальнейшего самостоятельного изучения, поскольку фактически предполагает отождествление системы следственных действий со всей системой досудебного производства (за исключением контрольных и надзорных механизмов со стороны руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурора и суда) и таким образом лишает категорию "следственные действия" какой-либо научной автономности» [63, с. 18] - как отмечается С.Б. Россинским.

Определяясь с целесообразностью применения именно узкого подхода в определении понятия и сущности следственных действий, следует констатировать существование в рамках обозначенного подхода различных друг от друга научных позиций, что проявляется в конкретных признаках, которым по мнению различных специалистов должны отвечать следственные действия.

Рассмотрим их более подробно.

1. Процессуальный характер следственных действий.

Данный признак предполагает обязательную нормативную регламентацию каждого без исключения следственного действия в тексте УПК РФ. Данный признак представляется достаточно очевидным, особенно с учётом положений п. 32 ст. 5 УПК РФ, которым следственные действия прямо относятся к разновидности действий процессуальных. Кроме того, данный признак позволяет нам с успехом дифференцировать следственные действия и сходные, в определённой мере, с ними оперативно-розыскные действия, некоторые из которых даже созвучны между собой (допрос – опрос и т.д.).

В ряде работ отмечается необходимость подробной регламентации процедуры производства следственных действий в тексте УПК РФ.

«Именно подобной детальной регламентацией, следственные действия и отличаются от розыскных действий следователя, в том числе имеющих познавательный характер (истребование, представление)» [42, с. 105] – пишет Е.Г. Ларин.

С необходимостью подробной регламентации производства следственных действий некоторые учёные связывают необходимость соблюдения прав и свобод личности [72, с. 95], что является правильным в контексте общего значения соблюдения процессуальной формы.

Тем не менее, определенная степень формализации присуща различным процессуальным действиям. Одним из них законодатель уделяет большее внимание, раскрывая в тексте УПК РФ соответствующие процедуры, в других случаях такое внимание проявлено в меньшей степени. И таким образом отсутствие детально регламентированной процедуры производства какого-либо процессуального действия ещё не даёт нам основания исключать его из числа следственных.

В частности, степень формализации и детализации отдельных процессуальных процедур, направленных на соби́рание новых или проверку уже имеющихся доказательств, различная. Так производство допроса регламентировано достаточно подробно и обстоятельно, тогда как

производство следственного эксперимента или проверки показаний на месте регламентировано весьма кратко – в рамках, по сути, нескольких предложений.

2. Особый субъектный состав производства следственных действий.

Основным и ключевым субъектом уполномоченным осуществлять следственные действия выступает следователь. При этом, можно согласиться с высказываемой в науке точкой зрения о том, что «в контексте взаимосвязанных положений гл. гл. 22, 24 - 27 УПК РФ термин "следователь" приобретает собирательный характер и помимо собственно следователя охватывает также дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя-криминалиста и руководителя следственного органа. В части производства следственных действий все эти лица выступают в качестве некой процессуальной альтернативы следователя» [63, с. 20].

Сказанное позволяет констатировать очевидный досудебный характер производства следственных действий, с чем согласны многие авторы.

«Следственные действия, помимо всего прочего, должны быть направлены на решение основных задач предварительного расследования» [67, с. 94] – отмечал Н.А. Селиванов.

И.Е. Быховский писал о следственном действии как о «виде познавательной деятельности, осуществляемой в стадии предварительного расследования, а также при расследовании вновь открывшихся обстоятельств» [14, с. 9].

Ряд авторов, невзирая на широкое распространение точки зрения об исключительно досудебной природе следственных действий, ведут речь об относительности сферы применения следственных действий как на досудебное, так и на судебное производство. Такая точка зрения озвучивается в работах Ю.Н. Белозерова и В.В. Рябокonia [10, с. 3], Д.С. Хижняка [86, с. 11] и других авторов.

Такая позиция представляется неприемлемой, поскольку её применение вызывает смешение следственных действий с близкими по смыслу судебными процедурами, которые нашли своё отражение в гл. 37 УПК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, можно согласиться с позицией относительно того, что ключевым субъектом производства следственных действий выступает следователь, а если рассматривать категорию «следователь» в широком смысле этого понятия, включая в него дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя-криминалиста и руководителя следственного органа, то и единственным субъектом. На это указывается в отдельных работах [1, с. 89].

Из данного вывода со всей очевидностью следует досудебный характер следственных действий. Данный тезис означает, что следственные действия возможно производить лишь на этапе возбуждения уголовного дела (в ограниченном виде, в связи с тем, что большинство следственных действий допустимо осуществлять лишь после возбуждения уголовного дела), а также на этапе предварительного расследования (в форме предварительного следствия или дознания).

3. Познавательный характер.

Данный признак характеризует следственные действия в контексте их направленности на установление обстоятельств, которые имеют значение для рассмотрения и последующего разрешения уголовного дела, поскольку, как уже говорилось выше, следственные действия проводятся в целях собирания новых или проверки уже имеющихся в уголовном деле доказательств.

Данная научная точка зрения отражена в ряде работ С.А. Шейфера. Данный специалист связывает производство следственного действия с предвидением возможности получения определенного познавательного результата.

«Специфической целью следственного действия является извлечение информации определенного вида и содержания из исследуемых объектов – следов события» [93, с. 18] – указывал С.А. Шейфер, продолжая свою мысль.

Подобные по своей смысловой направленности суждения можно, конечно же, найти и в работах других процессуалистов: «К целям следственных действий необходимо относить установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [90, с. 30] – отмечается в работе А.А. Чувилева и Т.Н. Добровольской.

«Цели производства следственных действий действительно очень тесно переплетены с собиранием и проверкой доказательств, но при этом они не тождественны. Собирание и проверка доказательств - это процессы, сопутствующие производству следственных действий, но вместе с тем связанные скорее не с их целями, а с их содержанием, выраженном в обнаружении, восприятии, исследовании, фиксации и процессуальном оформлении доказательственной информации. При этом целью следственного действия, очевидно, является установление каких-либо новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, получение какой-либо значимой доказательственной информации» [63, с. 23] – верно указывает С.Б. Россинский.

В этом конкретизируется и находит своё проявление поисково-познавательный характер исследуемых нами следственных действий, а также заключается их гносеологическая природа.

В соответствии со сказанным, следует считать ошибочной точку зрения, в соответствии с которой некоторые учёные относят к разряду следственных действий «наложение ареста на имущество, эксгумацию трупа и получение образцов для сравнительного исследования» [57, с. 33].

Представляется, что подобные точки зрения возникают, в том числе, из-за определённой структурной специфики расположения норм УПК РФ. В частности, законодатель интегрировал в нормы, посвящённые производству

следственных действий ч. 3 ст. 178 и ст. 202 УПК РФ, которые содержат регламентацию производства эксгумации, а также получение образцов для сравнительного исследования. Тем не менее, нахождение данных норм там не позволяет нам «автоматически» считать эксгумацию и получение образцов для сравнительного исследования следственными действиями. Такая законодательная конструкция основывается лишь на тесной логической взаимосвязи данных специфических процедур с производством непосредственно следственных действий.

Эксгумация и получение образцов для сравнительного исследования лишь позволяют создать условия, способствующие осуществлению процессуального познания посредством осмотра или судебной экспертизы.

4. Обеспечение производства следственных действий государственным принуждением.

Выделение данного признака имеет под собой определённую объективную основу, но только лишь применительно к отдельным следственным действиям, а не ко всем следственным действиям без всякого исключения.

Как отмечает С.Б. Россинский: «потенциальной возможностью применения каких-либо принудительных приемов фактически характеризуются только три следственных действия: освидетельствование, обыск и выемка. И, кстати, именно поэтому законодатель устанавливает особую процедуру принятия решения об их производстве, заключающуюся в вынесении специального государственно-властного акта – постановления (ч. 1 ст. 164 УПК РФ). Механизмы осуществления других следственных действий (осмотра, следственного эксперимента, допроса и т.д.) возможности применения государственного принуждения не предполагают» [63, с. 25].

Н.Г. Шурухнов совершенно справедливо подразделяет следственные действия на «проводимые без принуждения и принудительные; в отношении

последних он замечает, что им предшествует процедура вынесения постановления или принятия судебного решения» [95, с. 263-264].

Соответственно, вряд ли возможно считать обеспечение производства следственных действий государственным принуждением в качестве одного из признаков, позволяющих определить искомое понятие следственных действий.

Таким образом, приведённые и проанализированные выше точки зрения на понятие и сущность следственных действий позволяет нам сформулировать следующее определение анализируемой категории: следственные действия – это производимые следователем или дознавателем (органом дознания) в досудебном производстве уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Для устранения существующих споров относительно сущности и категоризации следственных действий представляется целесообразным нормативно закрепить соответствующее понятие на законодательном уровне в рамках ст. 5 УПК РФ. Также следует законодательно определить исчерпывающий перечень следственных действий, чтобы способствовать устранению дискуссии о разновидностях этих процессуальных действий.

1.2 Система следственных действий

Систематизация искомых научных составляющих является основой для последовательного и комплексного исследования. По этой причине, представляется необходимым определиться в вопросе о том, какие же именно процессуальные действия следует включать в систему следственных действий.

Система – это «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей» [47, с. 624].

Таким образом, понятийно, система – это целостность. При этом, такая целостность обуславливается сохранением внутренних закономерностей, образующих неразрывное единство входящих в такую систему элементов. Это отличает систему от простой совокупности, которая предполагает «сочетание, соединение» [47, с. 644] отдельных элементов без их внутренней организующей взаимосвязи.

Исходя из отмеченного, систему следственных действий следует определить, как единый комплекс находящихся во взаимной связи следственных действий.

Следует отметить, что проблемы толкования системности применительно к производству по уголовным делам, уделяется внимание в зарубежных научных публикациях [96]-[101].

Взаимосвязь между следственными действиями обусловлена общностью их природы, а также общностью целей на реализацию которых направлено производство следственных действий. Данные связи, безусловно, имеют объективный характер.

Нормативная регламентация производства отдельных следственных действий произведена законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ. Исходя из содержания данных глав УПК РФ, а также позиций большинства учёных-процессуалистов, в систему следственных действий традиционно включают:

- осмотр,
- освидетельствование,
- следственный эксперимент,
- обыск,
- выемку,
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления,

- контроль и запись переговоров,
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами,
- допрос,
- очную ставку,
- предъявление для опознания,
- проверку показаний на месте,
- производство судебной экспертизы.

Оговоримся – не все процессуальные действия, обозначенные выше, отдельные учёные относят к числу следственных – на этот счёт существовали и продолжают существовать различные мнения.

В частности, вызывают явное недоумение позиции некоторых современных специалистов [13, с. 73], пытающихся отнести к числу следственных действий задержание подозреваемого.

В период действия УПК РСФСР [80] дискуссия об отнесении задержания подозреваемого к системе следственных действий действительно имела место, что обуславливалось существовавшим на тот момент нормативно-правовым регулированием – речь идёт о прямом указании на это в ст. 87 УПК РСФСР. Данное положение советского уголовно-процессуального закона и бралось за основу сторонниками отнесения задержания подозреваемого к следственным действиям.

Противники вышеобозначенной позиции основным препятствием к отнесению задержания подозреваемого к числу следственных действий считали отсутствие у данной процедуры какой-либо «познавательной направленности» [18, с. 66], что позволяло им приходиться к выводу об отнесении задержания подозреваемого исключительно к числу мер процессуального принуждения.

Вместе с тем логика сторонников отнесения задержания к числу следственных действий вполне объяснима: они рассматривают задержание как

бы не в узком, а в широком значении, включая в него не процессуальные действия сотрудников правоохранительных органов по фактическому задержанию лица, а также обусловленные им познавательные приемы (например, личный обыск или допрос подозреваемого). Однако с данной позицией согласиться довольно трудно.

Тем более что в настоящее время в связи с четкой позицией УПК РФ, включающего задержание подозреваемого в систему мер процессуального принуждения, эта дискуссия фактически потеряла всякий смысл.

Следует также отметить, что О.Я. Баев и Д.А. Солодов не склонны считать контроль и запись переговоров, а также наложение ареста на почтово-телеграфные отправления следственными действиями.

«По нашему глубокому убеждению, несмотря на опосредование этого действия в уголовно-процессуальном законе (ст. 186 УПК), оно от этого не стало следственным действием» [7, с. 15] - отмечено исследователями.

В обоснование своей позиции авторы говорят о том, что фактическое производство данного следственного действия осуществляется не следователем, а специальным органом, так как непосредственно следователь не обладает для этого соответствующей технической компетенцией. Кроме того, авторы приводят в поддержку своего вывода ещё один довод: «любое следственное действие в сути своей – действие одномоментное и непрерывное, ход и результаты его отражаются в одном документе - протоколе этого действия (исключение из этого, думается, составляет лишь назначение экспертизы, оформляемое не протоколом, а постановлением). Контроль же и запись переговоров продолжаются весьма длительное время (до шести месяцев)» [7, с. 16].

Обозначенные доводы авторы распространяют и применительно к наложению ареста на почтово-телеграфные отправления.

Представляется, что всё же лицом, иницирующим производство контроля и записи переговоров, а также наложения ареста на почтово-

телеграфные отправления является следователь. При этом, определённая опосредованность производства данных процессуальных действий с привлечением технических служб (при осуществлении контроля и записи переговоров), а также работников учреждения связи (при осуществлении наложения ареста на почтово-телеграфные отправления) не позволяет нам делать вывод о том, что следователь не является субъектом производства обозначенных процессуальных мероприятий. В противном случае, в каждом случае привлечения специалиста к производству того, или иного следственного действия, можно было бы делать вывод о том, что соответствующее следственное действие следователем не проводится. Представляется, что соответствующие специалисты по роду своей деятельности лишь оказывают непосредственное содействие следователю в производстве как контроля и записи переговоров, так и наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, не выступая в качестве самостоятельного субъекта.

Довод, относительно одномоментности и скоротечности производства следственных действий также представляется сомнительным – каждое следственное действие имеет свою специфику, поэтому одномоментность, относительно протяжённости во времени, не выделяется в качестве признака следственного действия. Кроме того, производство отдельных видов судебных экспертиз может также потребовать определённых временных затрат, выходящих за временные рамки производства большинства иных следственных действий.

В этой связи, следует отметить, что некоторые авторы, например, А.В. Кудрявцева [39], Ю.Г. Корухов [36] и др. специалисты не склонны относить к разряду следственных действий и производство судебной экспертизы.

Сторонники противоположной точки зрения, относительно включения производства судебной экспертизы в число следственных действия полагают,

что судебная экспертиза является хотя и специфическим, но, тем не менее, следственным действием. Такая точка зрения имеет место в ряде работ таких авторов, как: И.Е. Быховский [14], В.М. Быков [12], В.А. Семенцов [68] и других специалистов.

Е.А. Зайцева пишет, что «деятельность эксперта является неотъемлемой частью следственного действия - назначения и производства экспертизы, которое, в свою очередь, представляет собой сложное действие, включающее комплекс процессуальных действий следователя и лиц, вовлекаемых в процесс получения доказательства, - заключения эксперта» [25, с. 102].

Интересная точка зрения высказывалась в своё время по этому вопросу С.А. Шейфером, который полагал, что экспертизу в целом нельзя считать следственным действием ввиду несоответствия экспертной деятельности сложившемуся в науке представлению о следственном действии. При этом, он не считал верным относить судебную экспертизу к числу полностью автономных форм познания. На основании изложенного С.А. Шейфер указывает на особое место, которое занимает судебная экспертиза в системе следственных действий, «представляя собой длительную и опосредованную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию» [91, с. 59].

Данная позиция представляется наиболее приемлемой – судебную экспертизу следует считать хотя и специфическим, но следственным действием, отвечающим тем признакам, которыми обладают следственные действия по определению.

Также сложно не согласиться с С.А. Шейфером о значении управляющей роли следователя при производстве судебной экспертизы: «именно следователь определяет в своем постановлении о назначении экспертизы предмет и программу экспертного исследования, представляет эксперту объекты исследования, осуществляет контроль за объективностью,

полнотой и научностью исследования, обеспечивает законные интересы обвиняемого, подозреваемого и других участников процесса и т.д.» [91, с. 59]

Таким образом, при анализе системы следственных действий, мы будем исходить из обозначенного в главах с 24 по 27 УПК РФ перечня, что соответствует разделяемой большинством современных авторов точке зрения относительно составляющих системы следственных действий.

Следует также отметить, что система следственных действий в том виде, в котором мы имеем возможность её наблюдать в нормах УПК РФ не одномоментное явление – неизменное и статичное. Безусловно, нормативно-определённый перечень следственных действий является закрытым, но с учётом развития технологий и научной мысли в него могут вноситься соответствующие изменения, расширяющие перечень следственных действий новыми. Подобное уже имело место, относительно пополнения системы следственных действий новым следственным действием в виде получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, что было произведено законодателем, путём внесения изменения в главу 25 УПК РФ Федеральным законом от 01.07.2010 г. №143-ФЗ [82].

«Теория познания учит, что круг средств познания в окружающем мире непрестанно совершенствуется и развивается. Соответственно этому процессуальная наука и криминалистика вычленили среди закреплённых в законе следственных действий познавательные приемы, отличающиеся от традиционных существенной спецификой. После практической апробации, доказавшей их эффективность, они получают закрепление в законодательстве в качестве новых следственных действий. Так появились предъявление для опознания, следственный эксперимент и проверка показаний на месте» [92, с. 5] – писал С.А. Шейфер.

Но, конечно же, далеко не любой приём, направленный на получение нового, или проверку уже имеющегося доказательства, может быть

законодательно закреплён в качестве нового следственного действия. Подобное закрепление должно иметь соответствующее обоснование. Более того, сам приём, как представляется, должен отвечать ключевым требованиям: новое следственное действие не должно противоречить принципиальным основам уголовного судопроизводства. Данное требование реализуется посредством закрепления процессуального порядка производства следственного действия, с соблюдением предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий.

Также, как видится, каждый новый приём, претендующий стать следственным действием, должен быть основан на научно-обоснованной базе и приводить к достижению оригинального познавательного результата.

В этой связи, как отмечается некоторыми авторами «не получило признания в науке предложение закрепить в законе в качестве следственного действия так называемую реконструкцию – воссоздание со слов очевидца обстановки события, так как этот прием не имеет самостоятельного доказательственного значения, ибо служит лишь предпосылкой осмотра» [15, с. 132-135].

Таким образом, прежде, чем некий новый приём, выработанный наукой, станет официальным следственным действием, должна пройти его практическая апробация, в ходе которой должна проверяться теоретическая и практическая состоятельность такого приёма. И только после этого может выноситься на обсуждение вопрос о закреплении такого познавательного приёма в систему следственных действий.

Анализируя систему следственных действий следует также обратить внимание на попытки внедрить в систему следственных действий «нетрадиционные приемы доказывания».

Т.С. Волчецкая выделяет три группы нетрадиционных методов: «нетрадиционные для уголовно-процессуальной сферы методы, получившие разработку в других отраслях научных знаний (гипнология и биоритмология);

методы, порожденные криминалистикой, но не получившие всеобщего признания (криминалистическая одорология, применение полиграфа); методы околонуучного знания (астрология, физиогномика, графология, парапсихология)» [16, с. 34].

Совершенно очевидно, что большинство из перечисленных методов представляют собой, по справедливому выражению Т.С. Волчецкой, методы околонуучного знания.

Следует отметить, что идея о широких возможностях гипноза, экстрасенсорики, полиграфа для установления истины широко распространяется в современном обществе. С.А. Шейфер скептически относился к подобным методам, отмечая, что «средства массовой информации с завидным постоянством повествуют об успешном раскрытии преступлений с помощью экстрасенсов, о проверке правдивости граждан, спорящих между собой, с помощью полиграфа, игнорируя доводы науки о неправомерности применения подобных методов установления истины. Впрочем, игнорируются и критические материалы относительно применения этих приемов как основанных на предрассудках и невежественных представлениях, которые появляются в тех же СМИ» [92, с. 10].

А.М. Ларин рассматривал нетрадиционные методы как попытки компенсировать низкий профессионализм следователей, называя их паракриминалистикой, и предлагал установить в уголовно-процессуальном законе запрет на применение таких приемов [40, с. 85-86].

Интерес в плане отдельного обсуждения, заслуживает в данном контексте возможность использования полиграфа, которое облекается в форму психофизиологической экспертизы (ПФЭ) и на протяжении многих лет претендует на включение в число следственных действий.

Следует отметить, что многие учёные выражают негативное отношение к подобной перспективе, поскольку получаемые в ходе производства психофизиологической экспертизы результаты не являются надёжными. В то

же время, практикой допускается применение «детектора лжи» вне уголовно-процессуальной деятельности.

Тем не менее, определённые попытки использования результатов исследования, проведённого с использованием полиграфа, в процессе доказывания по уголовным делам всё чаще предпринимаются, с учётом того, что ст. 89 УПК РФ допускает использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Кроме того, есть, в принципе, не противоречащая УПК РФ возможность представить результат психофизиологического исследования в виде заключения специалиста, которое является доказательством, предусмотренным п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Практика признания результатов психофизиологической экспертизы в качестве доказательства по уголовным делам противоречива.

Так, например, в Определениях Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. №203-О11-1 [48] и от 19 января 2012 г. №11-О11-99 [28] указано, что заключения психофизиологических экспертиз признаны доказательствами, не вызвавшими сомнений у суда, так как не противоречили показаниям иных свидетелей и другим доказательствам, в том числе вещественным. Верховный Суд постановил, что все эти доказательства согласуются между собой по фактическим обстоятельствам, не содержат существенных противоречий, а по основным вопросам совпадают в деталях.

В решении же по другому делу Верховный Суд РФ подтвердил обоснованность исключения судом заключения психофизиологической экспертизы из числа доказательств, поскольку выводы эксперта носят вероятностный характер [27].

Итак, насколько оправданы и допустимы предложения о включении использования полиграфа в систему следственных действий? Ю.И. Холодный отмечает отрицательные стороны полиграфологии: «недопустимо низкое

качество исследований, проводимых многими государственными и частными полиграфами, и др.» [88]. Подобные точки зрения звучат и в работах других специалистов [26, с. 50-55], [87, с. 10-12].

Представляется, что применение полиграфа в целях доказывания как в форме ПФЭ, так и в форме особого следственного действия, как минимум, преждевременно. Один из главных недостатков применения полиграфа и использования полученного с его помощью результата состоит в несоответствии этого приема научным основам доказывания.

Как отмечает Д.В. Зотов, «можно лишь предполагать, но никак не утверждать о достоверности выводов, полученных в ходе психофизиологических исследований на полиграфе» [26, с. 55].

Завершая обзор перспектив развития научной мысли относительно системы следственных действий, необходимо подчеркнуть: следственные действия, как и вся их система, это четко урегулированный законом эффективный способ достижения цели доказывания. Поспешные и методологически неоправданные предложения о включении в систему ряда сомнительных приемов могут только ослабить данную систему, принеся больше вреда, чем пользы назначению уголовного судопроизводства.

Глава 2 Классификация следственных действий и общие правила их производства в уголовном процессе России

2.1 Классификация следственных действий

«Метод классификации – является одним из важнейших методов научного познания» [58, с. 251] - отмечается в науке.

Действительно, без упорядочения исследуемых объектов, их сортировки по тем, или иным критериям, сложно обойтись в процессе научного исследования – независимо от сферы научного познания.

Следственные действия – объект классификационного исследования в науке уголовного процесса и криминалистики. При этом, классификация следственных действий в уголовном процессе является основной. С учётом прикладного характера криминалистики, криминалистическая классификация должна соответствовать уголовно-процессуальной.

Разновидностей классификации следственных действий может быть довольно много, в зависимости от избираемого исследователем классифицирующего основания. Также следует отметить, что различные уголовно-процессуальные классификации следственных действий являются, во многом, порождением сложностей в толковании норм УПК РФ, регламентирующих производство следственных действий.

В 1981 году С.А. Шейфер предложил разделить все следственные действия по методам отображения фактических данных на три большие группы: «следственные действия, в основе которых лежит метод расспроса (допрос, очная ставка, назначение экспертизы); следственные действия, основанные на непосредственном наблюдении, сочетаемом с приемами активного воздействия на отображаемый объект (осмотр, освидетельствование, обыск, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент, задержание подозреваемого);

следственные действия, основанные на сочетании методов расспроса и наблюдения (предъявление для опознания и проверки показаний на месте)» [94, с. 35].

Одной из самых распространённых классификаций, является классификация следственных действий, в зависимости от допустимости их производства до возбуждения уголовного дела. Такую классификацию предлагают, в частности О. Александрова, В. Вандышев и В. Малинин [2, с. 63].

Соответственно, ориентируясь на данный критерий, следственные действия можно разделить на те, производство которых допустимо до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (осмотр места происшествия, освидетельствование, судебная экспертиза) и следственные действия, производство которых допустимо лишь после возбуждения уголовного дела (все остальные следственные действия, предусмотренные законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ).

Достаточно традиционной является классификация следственных действий на требующих судебного санкционирования и не требующих такового. Такую классификацию предлагают, например, А.П. Аленин [3, с. 88] и Е.Ю. Алонцева [4, с. 7].

К первой категории, в соответствии с нормами УПК РФ, следует относить следственные действия, производство которых сопряжено с ограничением конституционных прав личности. Они перечислены законодателем в п. 4-8, 11-12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, регламентирующей полномочия суда.

Ко второй категории, соответственно относятся все остальные следственные действия, которые могут проводиться следователем на основе собственного разумения.

Некоторые авторы классифицируют следственные действия по участию следователя в процессе получения доказательств. Соответственно,

следственные действия подразделяются на действия с непосредственными опосредствованным участием следователя.

«При непосредственном следственном действии следователь сам, с помощью своих органов чувств, убеждается в существовании и характере фактов, имеющих значение для расследования преступления. К числу таковых относятся все виды осмотра, обыска. В опосредствованном следственном действии следователь принимает неполное участие. Процесс получения доказательств им не контролируется, результаты воспринимаются через посредство дополнительной инстанции. Например, при производстве экспертизы – через посредство эксперта» [31, с. 95].

Некоторые специалисты [85, с. 282] также подразделяют следственные действия на проводимые с участием понятых и без их участия.

В соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ, в случаях, предусмотренных ст. 182 и 184 (обыск, включая личный), а также ст. 193 УПК РФ (предъявление для опознания), следственные действия производятся с участием не менее двух понятых.

Кстати, при этом, в качестве одной из обязательных ситуаций, обуславливающих привлечение понятых, в ч. 1 ст. 170 УПК РФ законодатель упоминает п. 3.1 ст. 183 УПК РФ, посвящённый выемке электронных носителей информации, несмотря на то, что данный пункт ст. 183 УПК РФ утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27.12.2018 г. №533-ФЗ. Судя по всему, это упущение законодателя, так как данным Федеральным законом следовало внести изменения и в упоминающую п. 3.1 ст. 183 УПК РФ ч. 1 ст. 170 УПК РФ. Очевидное несовершенство законодательной техники.

В остальных случаях, не упомянутых в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, следственные действия осуществляются без участия понятых, если следователь по ходатайству участников уголовного судопроизводства или по собственной инициативе не примет иное решение (ч. 2 ст. 170 УПК РФ).

Не все классификации следственных действий, выделяемые в научных публикациях, бесспорны. Отдельные авторы считают целесообразным выделить следственные действия, проводимые на месте происшествия и вне места происшествия.

По мнению Н.Г. Шурухнова, «к числу следственных действий, которые проводятся на месте происшествия, относят осмотр места происшествия, следственный эксперимент, обыск, проверку показаний на месте. Значительное количество следственных действий производится в ином месте (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, контроль и запись переговоров)» [95, с. 259].

Однако, данная классификация представляется сомнительной. В частности, как следственный эксперимент, так и обыск не обязательно проводятся на месте происшествия. Более того, обыск в жилище чаще всего проводится по месту жительства лица, на которое направлено уголовное преследования, которое, как правило, не является местом происшествия. Производство следственного эксперимента также далеко не всегда связано с местом происшествия.

В зависимости от характера объектов, от которых следователь получает информацию, следственные действия можно подразделить на вербальные и невербальные.

Вербальные следственные действия (допрос, предъявление для опознания, очная ставка и др.) производятся в целях получения личностной информации у ее носителей (говорящих людей) на основе речевого общения.

К невербальным следственным действиям относятся осмотр, обыск, назначение и производство экспертизы, другие действия, при производстве которых речевой способ собирания информации уступает место иным методам и приемам – в частности, могут применяться «органолептические методы, отдельный и сравнительный анализ, физические, химические, биологические методы, общий осмотр» [37, с. 413] - отмечается в литературе.

Таким образом, подходов к классификации следственных действий достаточно много, и они отличаются большим разнообразием, отвечающим задачам соответствующего исследования.

2.2 Анализ общих правил производства следственных действий в уголовном процессе России

Основу уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве составляет производство следственных действий. Нормы, касающиеся общих правил их производства, регламентированы законодателем в главе 22 УПК РФ.

Положения, включённые в главу 22 УПК РФ, определяют наиболее общие аспекты производства следственных действий и содержат в себе значимые гарантии защиты прав и законных интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальные правоотношения, направленные на обеспечение осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в контексте доказывания на этапе предварительного следствия.

Проанализируем отдельные положения, имеющие значение именно в плане производства следственных действий.

В ч. 1 и 2 ст. 164 УПК РФ законодатель чётко определяет, какие следственные действия производятся на основании постановления следователя, а какие производятся на основании судебного решения.

Соответственно, вынесения постановления следователя о производстве следственного действия требуют: освидетельствование, обыск и выемка. Также законодатель в данном ряду следственных действий указывает на вынесение постановления о производстве эксгумации, однако, эксгумация не является следственным действием – эксгумация является процедурой, обеспечивающей возможность проведения процессуальных действий с телом умершего, в частности, проведения следственного осмотра.

В этой связи, упоминание в ч. 1 ст. 164 УПК РФ ч. 3 ст. 178 УПК РФ видится излишним и нарушает общую логику нормы, касающейся санкционирования следственных действий. Представляется необходимым убрать из ч. 1 ст. 164 УПК РФ данное упоминание. Таким образом, ч. 1 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «Следственные действия, предусмотренные статьями 179, 182 и 183 настоящего Кодекса, производятся на основании постановления следователя».

Обращает на себя внимание наличие в ч. 2 ст. 164 УПК РФ ссылки на п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в котором идёт речь о наложении ареста на имущество, которое неправомерно рассматривать в качестве следственного действия. Данное указание следует считать ошибочным в связи с чем в ч. 2 ст. 164 УПК РФ следует внести изменение, убрав ссылку на п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Таким образом, ч. 2 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «В случаях, предусмотренных пунктами 4 - 8, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения».

К числу предписаний, касающихся производства следственных действий, относится также запрет на производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ).

Ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени, в течение которого, априори, люди спят, восстанавливая свои силы и сохраняя здоровье, что является естественным правом любого человека. Законодатель, аналогично положениям о производстве привода в ночное время, допускает ограничение общего правила о недопустимости осуществления процессуальной деятельности ночью лишь в случаях, не терпящих отлагательства.

В соответствии с существующими в обществе взглядами, ночное время предназначено для отдыха и сна, в целях восстановления сил, сохранения физического и психического здоровья.

Данное положение неоднократно являлось предметом обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав граждан [50] [51] [55]. Однако, во всех случаях Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению подобных жалоб, указывая, что данное положение УПК РФ не может рассматриваться, как нарушающее права заявителя.

Более того, «данная норма применяется с учетом обстоятельств конкретного дела, носит гарантийный характер, направлена на обеспечение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства» [55].

О каких, относительно производства следственных действий, случаях, не терпящих отлагательства, может идти речь, с учётом того, что законодатель не уточняет данный вопрос, оставляя его на усмотрение лиц, осуществляющих производство по уголовному делу? По всей видимости, однозначно ответить на данный вопрос не представляется возможным и производство какого-либо следственного действия в ночное время должно обосновываться исходя из конкретных обстоятельств.

«Оценка ситуации с этой точки зрения в каждом конкретном случае производится тем должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, под свою личную ответственность, исходя исключительно из интересов дела и остроты самого следственного действия. Так, например, безотлагательный ночной осмотр места происшествия – явление, широко распространенное в следственной практике» [9] – пишет в своей работе Б.Т. Безлепкин.

«К случаям, не терпящим отлагательства, следует относить необходимость осмотра места происшествия, неотложного производства обыска и иных следственных действий, промедление с производством

которых может повлечь невосполнимую утрату или искажения доказательственной информации по естественным причинам или в результате направленных на то умышленных действий заинтересованных в определенном исходе дела лиц» [7, с. 15] – считают О.Я. Баев и Д.А. Солодов.

Думается, что к случаям, не терпящим отлагательства, также вполне можно отнести ситуации, при которых «промедление создаст угрозу наступления отрицательных последствий, утраты доказательств, продолжения преступных действий, укрытия преступников и т.д.» [23].

Также в следственной практике вполне могут возникать ситуации, при которых производство какого-либо следственного действия в ночное время может быть обусловлено самим познавательным содержанием данного следственного действия и конкретными задачами, разрешаемыми с его помощью. Так, опытным путём может быть проверена возможность зрительного восприятия и распознавания определённым лицом объекта в ночное время в условиях низкой освещённости, посредством производства следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ).

В процессе расследования уголовного дела также может возникнуть ситуация, при которой следственное действие, производство которое началось в вечернее время, следователь не успевает закончить до 22 часов по местному времени и при этом отсутствует ситуация, не терпящая отлагательства. Как поступить в таком случае, не нарушая требования закона, обеспечивая тем самым допустимость полученных доказательств?

По мнению некоторых авторов, «в ситуации, когда нет возможности продолжить следственное действие в связи с наступлением ночного времени и отсутствуют исключительные обстоятельства, необходимо прервать следственное действие, в протоколе фиксируется точное время его окончания и причины, побудившие сделать это, обеспечивается охрана места производства следственного действия до его возобновления, что также отражается в протоколе» [7, с. 15].

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ законодатель называет ещё несколько запретов, распространяющихся на производство любого следственного действия: «При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Данное положение является конкретизацией более нормы-принципа, включённого в ст. 9 УПК РФ.

Запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий является безусловным предписанием. Его нарушение следователем, или дознавателем, а также иным лицом с ведома или молчаливого согласия вышеназванных должностных лиц, совершенно обоснованно, возведено законодателем в ранг преступления, предусмотренного ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации [81] (УК РФ) «Принуждение к даче показаний».

По ч. 1 ст. 302 УК РФ, с точки зрения объективной стороны преступления, квалифицируется принуждение, осуществляемое путём угроз, шантажа, а также путём осуществления иных противозаконных действий принуждающего характера.

Отягчающим обстоятельством, влекущим квалификацию преступления по ч. 2 ст. 302 УК РФ, является принуждение, посредством применения насилия, издевательств или пытки, как способов, имеющих повышенную общественную опасность и причиняющих наибольший вред.

«Под насилием понимается применение физической силы путем нанесения как разовых ударов, так и побоев, причинения физической боли. Как издевательство должны квалифицироваться выраженные как в вербальной, так и в физической форме глумление над человеком, унижение его достоинства, оскорбление (обзывание нецензурными словами, раздевание, совершение непристойных манипуляций)» [30] - отмечается в одном из комментариев к действующему УК РФ.

О понятии «пытка», содержащемся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [32], мы уже говорили выше в контексте анализа нормы-принципа «уважение чести и достоинства личности» (ст. 9 УПК РФ)

Применительно к принуждению к даче показаний или заключения, пытка может выражаться в причинении участнику уголовного судопроизводства физической боли и нравственных страданий для получения соответствующих показаний или заключения.

Помимо привлечения виновных в принуждении к даче показаний или заключения лиц к уголовной ответственности, в процессуальном смысле данное нарушение влечёт невозможность использования полученных таким путём доказательств в процессе доказывания, поскольку такие показания или заключение будут, в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ, являться недопустимым доказательством, не имеющим юридической силы.

Второй запрет, упомянутый законодателем в ч. 4 ст. 164 УПК РФ относительно производства следственных действий – это «создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Отдельно в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, законодатель говорит о возможности производства следственных действий без участия понятых в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей. При этом, отсутствие понятых может компенсировать, при таких обстоятельствах, применение технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия.

Опасность для жизни и здоровья участников производства следственного действия может быть связана с:

- наличием неблагоприятных условий производства следственного действия (не соответствие участка местности требованиям безопасности – угроза обвала, оползня; аварийное состояние здания

- угроза обрушения конструкций в помещении, в котором необходимо произвести следственное действие и т.д.);
- содержанием конкретных манипуляций, сопряжённых с производством следственного действия (физические манипуляции при освидетельствовании, которые, с учётом состояния здоровья освидетельствуемого, могут представлять для него опасность и т.д.);
- необходимостью исследования в ходе следственного действия объектов, которые могут представлять опасность для окружающих (взрывные устройства, боеприпасы, радиоактивные вещества, сильнодействующие яды и химикаты и т.д.).

Как отмечается А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским, «такая опасность должна быть не абстрактной (гололед на улице может привести к падению понятого во время осмотра), а конкретной и реальной (на пример, повышенный радиационный фон приводит к получению опасной для здоровья дозы облучения, возможность взрыва при осмотре боеприпасов и т.п.). Наличие такой опасности исключает участие понятых даже при их добровольном желании и готовности участвовать в следственном действии. Однако данная процессуальная норма допускает профессиональный риск самого следователя, работника органа дознания» [70].

Создание должностным лицом, осуществляющим уголовно-процессуальную деятельность, опасности для жизни и здоровья других участников в процессе проведения следственного действия прямо запрещено анализируемой нормой.

В соответствии с ч. 6 ст. 164 УПК РФ: «При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств».

Как отмечает Б.Т. Безлепкин, «современный уровень развития общества позволяет широко использовать достижения науки и техники при производстве по уголовному делу, причем не только экспертами и специалистами, но и непосредственно лицами, производящими расследование. К числу таких средств, применяемых при производстве следственных действий по собиранию доказательств, относятся фотография, киносъемка, звукозапись и некоторые другие» [8].

К числу таких средств отдельные авторы также относят: «средства освещения; оптические приборы; средства выявления следов рук» [79].

Особую группу образуют технические средства, с помощью которых фиксируются и изымаются следы (например, дактилоскопические средства). Применение этих криминалистических средств обычно входит в обязанности специалиста, однако, ничего не мешает следователю их применять лично.

По мнению Б.Т. Безлепкина, «если технические средства (например, металлоискатели, водолазное оборудование и др.) не относятся к криминалистическим, то, естественно, их использование относится всецело к компетенции соответствующего специалиста. Арсенал таких средств законом не ограничен» [8].

Указание законодателя на необходимость уведомления лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств является правильным, поскольку направлено на соблюдение прав и свобод граждан, вовлекаемых в производство следственных действий.

В ч. 8 ст. 164 УПК РФ, законодатель говорит о необходимости ведения протокола в ходе производства следственного действия, с учётом положений ст. 166 УПК РФ. Протокол следственного действия служит своего рода объективизации хода и результатов производства следственного действия, создавая при этом гарантии соблюдения всех нормативных требований, предъявляемых УПК РФ к соответствующей процессуальной процедуре.

Традиционным в данный момент, с учётом развития информационных технологий и различных технических средств, является изготовление протокола следственного действия с помощью технических средств (компьютера), однако, УПК РФ допускает написание протокола от руки. Использование достижений технического прогресса для нужд уголовного судопроизводства – несомненно, положительный аспект. Относительно подготовки протоколов следственных действий – создание протокола в текстовом редакторе на персональном компьютере (или ноутбуке) может значительно ускорить и упростить процесс составления протокола. Кроме того, это также позволяет избежать трудностей, связанных с последующим прочтением протокола, который может быть написан лицом, имеющим своеобразный почерк. Представляется, что техническое исполнение текста протокола следственного действия должно быть таким, чтобы его мог без особого труда прочитать любой грамотный человек, владеющий данным языком. Не может быть использован в судебном доказывании протокол следственного действия, «который фактически невозможно прочитать ввиду его своеобразия и значительных отступлений от правил каллиграфии» [46].

Анализ общих правил производства следственных действий в уголовном процессе России позволяет сделать вывод о достаточной проработке соответствующих общих положений, распространяемых на весь спектр следственных действий, однако, некоторые положения нуждаются в совершенствовании, о чём было сказано выше.

Далее уделим внимание исследованию непосредственно системы следственных действий. С учётом обширности спектра следственных действий и их многоаспектности, уделим внимание лишь отдельным наиболее интересным проблемам их производства в уголовном процессе России.

Глава 3 Анализ проблем производства отдельных следственных действий в уголовном процессе России

3.1 Осмотр

Категория «следственный осмотр», как пишут исследователи, является одним из общих собирательных понятий, в содержание которого входит «несколько видов следственных действий, связанных с исследованием (изучением) различных объектов путем их непосредственного восприятия следователем и другими участниками осмотра» [22, с. 15].

Данное следственное действие является одним из самых распространённых в правоприменительной практике и относится к числу следственных действий, которые законодатель допускает осуществлять до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

По объекту осмотра выделяют такие разновидности осмотра, как: «осмотр места происшествия (в том числе, местности, жилища, иного помещения); местности, не являющейся местом происшествия; помещений, не являющихся местом происшествия (в том числе жилища); предметов и документов; трупа; почтово-телеграфных отправок; фонограммы, полученной в результате контроля и записи переговоров; осмотр животных» [17, с. 20-21].

Абстрагируясь от особенностей отдельных разновидностей следственного осмотра, данное следственное действие можно определить как процессуальное действие, заключающееся в визуальном восприятии компетентным должностным лицом обстановки места происшествия, иной местности или помещений, особенностей предметов, документов с целью обнаружения следов преступления, предметов и документов, способных выступать в качестве источников доказательств, выяснения обстановки происшествия, а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела и

сопряжённое с обязательным фиксированием хода и результата производства в протоколе осмотра.

Необходимо иметь в виду, что осмотр как наблюдение, визуальное восприятие объектов может быть составляющей иных следственных действий, таких как обыск, предъявление для опознания и т.д. Самостоятельную роль в качестве отдельного следственного действия осмотр имеет лишь тогда, когда визуальное восприятие объекта (объектов) осмотра имеет первостепенное значение и оформляется в виде отдельного протокола осмотра. Данный аспект позволяет нам разграничить следственный осмотр, как отдельное следственное действие и осмотр, как элемент иного следственного действия.

Отдельного внимания заслуживает вопрос производства осмотра жилища. В ч. 5 ст. 177 УПК РФ законодатель говорит о производстве осмотра жилища только с согласия проживающих в нём лиц, либо, при отсутствии такого согласия – на основании судебного решения, что является детализацией нормы-принципы уголовного судопроизводства, касающейся неприкосновенности жилища.

Данное следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии и изучении любых объектов в целях обнаружения следов преступления и выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, может производиться в жилище без получения судебного решения по согласию проживающих лиц, с учётом минимального вторжения в охраняемую Конституцией РФ сферу.

При этом, без судебного решения, осмотр в жилище может производиться только при согласии на осуществление осмотра всех проживающих лиц, о чём говорит Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих Постановлений: «на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра» [60] (п. 8).

Как отмечается в науке, «возможность принудительного осмотра жилища во многом сближает это следственное действие с обыском» [17, с. 25].

Вопрос разграничения данных следственных действий важен по следующим соображениям: как уже было отмечено ранее, осмотр допустимо производить до возбуждения уголовного дела, а обыск возможен лишь после его возбуждения. Под видом осмотра потенциально возможно «завуалированное» производство обыска, что будет являться нарушением. Ключевым аспектом, позволяющим нам чётко разделить осмотр жилища и обыск является невозможность осуществления принудительных поисковых действий при первом и возможность их осуществления при втором.

В связи с необходимостью производства такой разновидности осмотра, как осмотр трупа может потребоваться эксгумация (извлечения трупа из места захоронения), законодатель разрешает произвести эксгумацию на основании постановления следователя об этом лишь тогда, когда близкие родственники или родственники покойного возражают против этого. В противном случае, в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ, эксгумация может быть произведена лишь на основании судебного решения.

3.2 Освидетельствование

Освидетельствование – это следственное действие, которое состоит в осмотре тела человека, наблюдении за его поведением с целью установления наличия на теле следов преступления, телесных повреждений, особых примет; выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Данное следственное действие, аналогично осмотру, может производиться до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) в связи с возможностью утраты сведений, имеющих значение для уголовного дела в связи с его несвоевременным производством (телесные повреждения, с учётом

естественной регенерацией, могут исчезать, или становиться менее выраженными и т.д.). На это обращается внимание в отдельных работах [6].

Производству освидетельствования посвящена ст. 179 УПК РФ. В связи с тем, что данное следственное действие состоит, в том числе, в обнаружении на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, сама процедура производства данного следственного действия сопряжена с нарушением телесной неприкосновенности индивида, с вторжением в его личное пространство, что обуславливает необходимость наличия в ст. 179 УПК РФ отдельных положений, определяющих границы такого вторжения.

В ч. 4 ст. 179 УПК РФ предусмотрен особый порядок производства данного следственного действия, если оно сопровождается обнажением лица: при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, а само освидетельствование производится врачом.

Представляется, что не присутствие следователя при обнажении освидетельствуемого лица другого пола является категорическим этическим требованием, которое должно соблюдаться независимо от отношения к этому освидетельствуемому (т.е. даже при его согласии на присутствие следователя).

При этом, вопрос толкования используемой в норме категории «обнажение» остаётся открытым, как и вопрос пола врача, правомочного производить освидетельствование.

В науке высказывается следующая позиция: «освидетельствование следует признавать сопровождающимся обнажением, когда об этом свидетельствуют общепризнанные нормы морали (обнажение ягодиц, половых органов, иных интимных частей тела), а также в иных ситуациях, когда освидетельствуются части тела, обычно прикрытые одеждой, если освидетельствуемое лицо расценивает это как обнажение (обнажение частей спины, предплечий, бёдер и др.)» [17, с. 40].

Данная позиция представляется верной.

Как отмечается отдельными авторами, «на практике принят следующий критерий обнажения. Он зависит от того, в какой одежде явилось освидетельствуемое лицо. Например, если мужчина пришел в рубашке с короткими рукавами или девушка в мини-юбке, то осмотр видимой части рук или ног (ссадины, царапины, родимые пятна и т.п.) обнажением не является и вполне допустим. Если требуется хотя бы чуть-чуть приподнять рукав или брючину, то это уже будет обнажением. Тем более обнажением является снятие любой одежды, кроме верхней» [79].

Такая позиция представляется правильной и позволяет условно разграничить ситуации, связанные с обнажением освидетельствуемого и не связанные с ним.

Что касается пола врача, который вправе производить освидетельствование при обнажении освидетельствуемого, то законодатель не конкретизирует это, что позволяет некоторым учёным сделать вывод о том, что «применительно к производству освидетельствования, сопряженного с обнажением, законодатель разрешил присутствие врача, у которого отличается пол от пола освидетельствуемого» [64].

Однако, регламентируя производство личного обыска, законодатель недвусмысленно указал на то, что специалисты, в случае их участия в данном следственном действии, должны быть одного пола с обыскиваемым лицом (ч. 3 ст. 184 УПК РФ).

Тем не менее, мнение конкретного лица о допустимости обнажения в присутствии врача другого пола, также может быть разным, в зависимости от его морально-этических установок. Игнорирование этого способно также причинить данному лицу нравственные страдания, как и производство освидетельствования, сопряжённого с обнажением, без соблюдения особого порядка. Представляется необходимым в решении данного вопроса учесть мнение освидетельствуемого и производить освидетельствование, связанное с

обнажением с участием врача другого пола только при наличии согласия на это со стороны освидетельствуемого.

Таким образом, в предлагаемой редакции, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого, при наличии согласия освидетельствуемого».

Также законодатель совершенно правильно включил в ч. 5 ст. 179 УПК РФ положение, в соответствии с которым любое запечатлевание с помощью визуальных средств (фото, видео и т.д.) хода и результатов производства освидетельствования, сопряжённого с обнажением лица, возможно лишь с согласия освидетельствуемого лица.

3.3 Следственный эксперимент

Следственный эксперимент в качестве следственного действия обозначен законодателем в ст. 181 УПК РФ, в соответствии с которой: «В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов».

Тем не менее, формулировка, содержащаяся в законе, не вполне точно отражает цель данного следственного действия. Как правильно указывает А.П. Рыжаков, «действия, составляющие содержание следственного эксперимента, направлены не только на подтверждение или опровержение

сведений, известных органу предварительного расследования. Они также имеют целью получение совершенно новых знаний, которые позволяют более полно, всесторонне и объективно разобрать исследуемые обстоятельства. Следственный эксперимент может быть произведен как в целях проверки, так и для уточнения данных, имеющих отношение к уголовному делу. Он может преследовать одну из этих целей или две сразу (проверку и уточнение сведений)» [66].

Соответственно, следственный эксперимент представляет собой, с учётом положений ст. 181 УПК РФ и сделанного нами уточнения, следственным действием, состоящим в воспроизведении действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события, а также в совершении необходимых опытных действий в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, а также получения новых доказательств.

Фактическим основанием производства следственного эксперимента является наличие в материалах уголовного дела достаточных данных, дающих основание полагать, что в ходе следственного эксперимента могут быть получены значимые для уголовного дела сведения.

В качестве юридического основания производства следственного эксперимента можно назвать решение должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу. При этом, «вынесение специального постановления о производстве следственного эксперимента не является обязательным условием. Решение компетентного должностного лица отражается во вводной части соответствующего протокола» [17, с. 54].

Следует обратить внимание на наличие в ст. 181 УПК РФ положения, в соответствии с которым «производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц».

Данное указание является конкретизацией более общего предписания ч. 4 ст. 164 УПК РФ, относящейся к производству любого следственного действия, о недопустимости создания опасности для жизни и здоровья участвующих в производстве следственного действия лиц.

Судя по всему, что в данном случае речь идёт, в первую очередь, о недопустимости создания опасности для здоровья участвующих в следственном эксперименте лиц посредством тех эмпирических действий, выбор которых обуславливается задачами производства конкретного следственного эксперимента. Помимо этого, сама обстановка места производства данного следственного действия не должна представлять угрозу жизни и здоровью участников следственного эксперимента (угроза обрушения конструкций ветхого здания, сооружения и т.д.)

Следственный эксперимент следует разграничивать, в первую очередь, с таким следственным действием, как проверка показаний на месте, которому не свойственно осуществление опытных (эмпирических) действий в узком смысле, которые являются сердцевиной следственного эксперимента.

3.4 Обыск и выемка

Сущность обыска, как следственного действия, состоит в осуществлении обследования помещения или иного места либо лица с целью обнаружения и изъятия орудия, оборудования или иных средств совершения преступления, предметов, документов и ценностей.

Как отмечают Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин и В.Н. Яшин, «фактическим основанием производства обыска, является наличие достаточных доказательств, дающих основание полагать, что в ходе конкретного следственного действия могут быть получены сведения о фактах, имеющих значение для дела» [17, с. 12].

Юридическое основание для производства обыска связано с вынесением соответствующего постановления следователя. Но, при этом, следует иметь в виду, что в тех случаях, когда рассматриваемое следственное действие необходимо произвести в жилище лица, для законного его производства требуется соответствующее судебное решение.

Обыск в жилище без судебного решения, но по постановлению следователя может быть проведен только в исключительных случаях и при наличии веских оснований. При этом исключительность (равно, как и основания) должна быть мотивирована в решении органа расследования, ведущего производство по уголовному делу. Формальная мотивировка без ссылки на конкретные обстоятельства представляется не соответствующей закону.

В соответствии с ч. 5 ст. 182 УПК РФ следователь вправе ограничиться изъятием добровольно выданных предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела и не производить поисковых действий, если нет оснований опасаться их сокрытия. Тем самым, законодатель создаёт разумную возможность избежать вторжения в частную жизнь граждан, посредством обыска.

В ч. 6 ст. 182 УПК РФ содержится указание на возможность при производстве обыска вскрытия любых помещений, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом, законодатель налагает запрет на не вызываемое необходимостью повреждение имущества, включая в данную норму оборот «при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества». Данное уточнение совершенно оправдано, поскольку позволяет создать дополнительную гарантию от злоупотреблений со стороны лиц, производящих обыск и обеспечить, насколько это возможно, сохранность имущества лиц, в жилых (или иных) помещениях которых производится данное следственное действие.

Осуществляя обыск, «следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц» (ч. 7 ст. 182 УПК РФ).

Исходя из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом РФ, в многочисленных Определениях, «в понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [49].

Данная позиция отражена также в иных Определениях Конституционного Суда РФ [52]-[54].

Соприкосновение следователя и иных лиц, принимающих участие в производстве обыска в жилище, с элементами частной жизни проживающих там лиц (в частности, членов семьи обвиняемого, не имеющих отношения к производству по уголовному делу) налагает на него дополнительную моральную ответственность за сохранность сведений о частной жизни данных лиц и совершенно справедливо, что законодатель перевёл данную ответственность из моральной в ранг юридической, предусмотрев рассматриваемый нами запрет в тексте УПК РФ.

В качестве меры, направленной на неразглашение вышеназванных сведений о частной жизни граждан, следователь, в первую очередь, может использовать предупреждение о неразглашении данных предварительного расследования в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. С учётом возможности привлечения лица, разгласившего такие сведения, к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, указанная мера представляется достаточно существенным средством воздействия.

Что касается производства личного обыска, ч. 3 ст. 184 УПК РФ предусматривает в качестве нравственно-этического правила производство

личного обыска только лицом одного пола с обыскиваемым и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

Данное правило сходно по своей сущности с правилом, применяемым при производстве освидетельствования, сопровождаемого обнажением лица, рассмотренным выше.

Понятие выемки, как следственного действия, не нашло своего отражения в тексте УПК РФ, что компенсируется различными авторскими дефинициями понятия выемки.

Проанализируем следующие авторские подходы:

- «выемка - следственное действие, сущность которого заключается в изъятии (при необходимости принудительном) компетентным должностным лицом на основаниях и в порядке предусмотренном законом предметов и документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и кого они находятся» [17, с. 90];
- «выемка - это следственное действие, заключающееся в изъятии имеющих значение для расследования уголовного дела известных следствию предметов, ценностей или документов, находящихся в известном месте во владении или ведении установленного лица или группы лиц (например, трудового коллектива)» [22, с. 83];
- «выемка - это следственное действие, заключающееся в изъятии (добровольном или принудительном) строго определенных решением компетентного органа (должностного лица) предметов и (или) документов, имеющих значение для уголовного дела, без предварительного их поиска» [65, с. 69].

Определение, сформулированное А.П. Рыжаковым, является наиболее полным из предложенных.

На основе приведённых точек зрения, сформулируем следующее обобщённое определение данного следственного действия:

Выемка – это следственное действие, которое состоит в добровольном или принудительном изъятии из помещений, с участков местности и у конкретных лиц строго определенных предметов и (или) документов, имеющих значение для уголовного дела, без предварительного их поиска.

Как следует из определения понятия выемки, обозначенное следственное действие имеет немало сходств с обыском, анализируемым выше. Тем не менее, несмотря на это, выемка является самостоятельным следственным мероприятием, имея собственные задачи и отдельное нормативное регулирование.

В соответствии с ч. 1 ст. 183 УПК РФ: «При необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка».

Таким образом, выемка является довольно специфическое следственное действие, которое в виде своей непосредственной задачи имеет изъятие из определенного места и у конкретного лица объектов, которые могут быть использованы в процессе доказывания, что позволяет нам прийти к выводу о том, что выемка не является разновидностью обыска, а является собой самостоятельное следственное действие.

Некоторые авторы ставят вопрос о том, могут ли выступать орудия преступлений, разыскиваемые лица и трупы в качестве объектов выемки?

Думается, что орудия преступления могут в полной мере рассматриваться в качестве объекта выемки, а выемка живых лиц и трупов вряд ли возможна, хотя некоторые авторы, теоретически, такую возможность допускают, не усматривая противоречий действующему закону.

Что же касается выемки живых лиц, разыскиваемых в связи с производством по уголовному делу, даже когда становится доподлинно известно о месте их нахождения, объектом рассматриваемого следственного действия они быть не могут, в силу прямого указания в ч. 1 ст. 183 УПК РФ на

изъятие лишь предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

3.5 Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления

Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления – это следственное действие, заключающееся в задержании на основаниях и в порядке, предусмотренных законом, почтово-телеграфных отправлений в учреждениях связи.

В некоторых источниках наложение ареста на почтово-телеграфные отправления именуют «контролем отправлений». Представляется, что употребление термина «контроль» вместо «арест» неоправданно.

Целями наложения ареста на почтово-телеграфные отправления могут быть: выявление лиц, участвующих в совершении преступления; установление мест, где могут скрываться лица, причастные к совершению преступления; розыск предметов, документов, трупов; получение доказательств причастности к совершению преступления определенных лиц и т.д.

Так или иначе, любое следственное действие должно быть направлено на получение доказательств. Наложение ареста на почтово-телеграфные сообщения не являются исключением.

Ходатайствовать о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, производить их осмотр и выемку, а также отменять наложенный ранее соответствующий арест вправе не только следователь, но и дознаватель, орган дознания, руководитель, а в ряде случаев и член следственной группы, а также руководитель следственного органа.

Решение о наложении ареста на корреспонденцию, на производство ее осмотр и выемку в учреждениях связи вправе принять только суд.

Фактическим основанием наложения ареста на почтово-телеграфные отправления является такая совокупность доказательств, которая позволяет полагать, что в почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах, поступающих, конкретному лицу на определенный адрес, могут содержаться предмет (документ, сведения), имеющие значение для уголовного дела. Эти доказательства и должны быть отражены в описательно-мотивировочной части постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и производстве их осмотра и выемки.

Юридическое основание наложения ареста на почтово-телеграфные отправления - это всегда судебное решение, в связи с тем, что производство данного следственного действия сопряжено с вторжением в сферу охраняемых Конституцией РФ прав и свобод граждан.

Основания осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений отличаются от оснований наложения ареста на таковые. И осмотр, и выемка имеют место уже после наложения ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию. Поэтому фактическим основанием осмотра почтово-телеграфной корреспонденции должно являться поступившее следователю от руководства учреждения связи уведомление о задержании почтово-телеграфного отправления, на которое наложен арест.

Юридическое основание осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции - судебное решение о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, об их осмотре и выемке.

Процессуальные решения об осмотре, так же, как и о выемке почтово-телеграфной корреспонденции дополнительного оформления не требуют.

Анализ содержания нормативно-правовых установлений приводит к выводу о том, что круг лиц, на чью почтово-телеграфную корреспонденцию может накладываться арест, законодательно не сужен лишь до корреспонденции лица, на которое направлено уголовное преследование.

Исходя из специфики расследования конкретного уголовного дела, может быть наложен ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию любого лица, не являющегося участником производства по данному делу (например, родственник или близкий знакомый обвиняемого и т.д.)

Ряд авторов полагает, что арест может накладываться как на входящую, так и на исходящую корреспонденцию. Между тем основным является мнение, в соответствии с которым лицо, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться, это человек, на чье имя поступают почтово-телеграфные отправления.

Можно выделить такие виды почтово-телеграфных отправлений, на которые может накладываться арест, как: письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли, мелкие пакеты, посылки, мешки «М», прямые контейнеры, телеграммы и радиограммы.

Некоторые процессуалисты к самостоятельной разновидности почтово-телеграфного отправления относят также денежные переводы. Между тем, исходя из содержания ст. 55 Федерального закона от 07.07.2003 г. №126-ФЗ «О связи» [84], законодатель отличает почтовые отправления от почтовых переводов денежных средств. Поэтому вопрос о возможности наложения ареста на денежные переводы как на разновидность почтово-телеграфных отправлений спорный. Представляется, что порядок наложения ареста на денежные переводы урегулирован не ст. 185 УПК РФ, а ст. 115 УПК РФ.

Непосредственно осмотр и выемка почтово-телеграфной корреспонденции должны осуществляться в присутствии понятых (как правило из числа работников данного учреждения связи).

Иногда вскрытие и осмотр почтового отправления может быть связан с опасностью для жизни и здоровья людей. Такой осмотр и выемка почтового отправления в соответствии с правилами ч. 3 ст. 170 УПК РФ могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия должна быть сделана соответствующая запись. При необходимости

– приглашаются специалист (например, криминалист, сапер, фотограф, оператор, химик, медицинский работник и т.д.) и (или) переводчик.

Порядок отмены ареста на почтово-телеграфные отправления определен в ч. 6 ст. 185 УПК РФ. В данной норме законодатель предусмотрел две разновидности фактических оснований принятия решения об отмене ареста, наложенного на почтово-телеграфные отправления: отпала необходимость в этой мере; окончено предварительное расследование по данному уголовному делу.

Кроме того, в ряде практических ситуаций основанием отмены наложенного ареста на почтово-телеграфные отправления может являться приостановление срока предварительного расследования по уголовному делу.

3.6 Контроль и запись переговоров. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами

Контроль и запись переговоров – это следственное действие, которое заключается в контроле и фиксации на основаниях и в порядке, предусмотренном УПК РФ, на записывающие технические средства содержания переговоров обвиняемого, подозреваемого, иных участников процесса, а также других лиц с целью использования полученных сведений в качестве доказательств по уголовным делам.

Данному следственному действию посвящена ст. 186 УПК РФ, которая предусматривает процессуальную возможность его производства по любой категории уголовных дел, помимо дел о преступлениях небольшой тяжести.

Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ «При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных

переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения».

Применительно к контролю и записи переговоров, как следственному действию, осуществляемому на основании судебного решения, ввиду вторжения в тайну частной жизни граждан, законодатель счёл необходимым сформулировать отдельное требование, направленное на соблюдение конфиденциального режима доступа к сведениям, полученным и зафиксированным в результате его производства. Речь идёт о фонограмме.

В соответствии с ч. 8 ст. 186 УПК РФ: «фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании».

Тем самым создаются условия, при которых обеспечивается защита информации о частной жизни, содержащаяся в фонограмме, от разглашения.

Обращает на себя внимание используемый законодателем оборот «телефонные и иные переговоры». Относительно понимания термина «телефонные переговоры» неясностей нет – к ним относятся все переговоры, производимые по телефону. Главная сложность состоит в определении значения «иных переговоров».

Как обоснованно считает В.Ю. Стельмах, данная категория включает в себя переговоры «только производимые по средствам электросвязи» [73, с. 153], при этом, автор толкует указанный оборот расширительно, распространяя его «не только на устные голосовые сообщения, но и на иные, передаваемые по современным средствам электросвязи, обладающие возможностью технической фиксации» [3, с. 154].

В п. 14.1 ст. 5 УПК РФ даётся следующее нормативное определение: «контроль телефонных и иных переговоров – прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм».

Тем не менее, данная нормативная формулировка далека от совершенства – в ней отсутствует указание на то, что речь идёт именно о следственном действии, а также о том, что оно проводится по общему правилу на основании судебного решения.

Анализ положений действующего УПК РФ позволяют сделать вывод о том, что в качестве предмета следственного действия, именуемого «контроль и запись переговоров» можно считать любые переговоры, которые производятся с использованием средств электросвязи, которые разделяются на переговоры по традиционному телефону и иным средствам.

Именно по этой причине анализируемое следственное действие столь востребовано правоприменительной практикой потому, что позволяют работать с переговорами, ведущимися по современным средствам общения, активно используемым в текущий период.

Формулирование содержательной стороны данного следственного действия во многом устарело – акцент на традиционных телефонных переговорах утратил свою актуальность. В настоящее время широко применяются самые разные способы осуществлять переговоры, благодаря развитию цифровых технологий, что позволяет при осуществлении непосредственно аудиальных переговоров, параллельно осуществлять передачу текстовых и мультимедийных сообщений.

С учётом требований времени и современных тенденций, связанных с рассматриваемой сферой межличностных коммуникаций, анализируемое следственное действие нуждается в усовершенствовании своего нормативного определения.

С учетом изложенного, анализируемое следственное действие можно было бы определить, как «контроль соединений средств электросвязи» и переформулировать текст п. 14.1 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «контроль соединений средств электросвязи - следственное действие, заключающееся в контроле и фиксации содержания сведений, передаваемых по средствам электросвязи; осмотр и прослушивание фонограмм зафиксированных голосовых сообщений; осмотр распечаток зафиксированных неголосовых сообщений».

Что касается относительно недавно появившегося следственного действия, именуемого в ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», то оно в определённой мере связано с контролем и записью телефонных и иных переговоров, однако, имеет важное отличие – источником информации, получаемой в результате рассматриваемого следственного действия, могут выступать только базы данных операторов связи. Речь идёт о, так называемой, «детализации соединений».

Одной из важных проблем, не нашедших однозначного подхода в контексте применения рассматриваемого следственного действия, является тот круг абонентов (абонентских устройств) на которых может распространяться производство данного следственного действия по конкретному уголовному делу.

В статье 186.1 УПК РФ законодатель не конкретизировал – относительно индивидуально определённых, или же и индивидуально неопределённых в том числе, абонентов (абонентских устройств) допустимо получение информации о соединениях? Однако, ответ на данный вопрос представляется необходимым, так как в практике расследования уголовных дел может возникнуть необходимость в получении информации о соединениях между всеми абонентами (абонентскими устройствами),

находившимися в определенное время в определенном месте (в зоне действия базовой станции).

Как отмечает В.Ю. Стельмах, «сведения о соединениях абонентов дает возможность резко сузить круг лиц, могущих быть причастными к преступлению, выдвинуть обоснованные версии о совершении преступного деяния и в конечном счете установить виновных лиц» [71, с. 153].

В соответствии со сложившейся практикой судьи, как правило, дают разрешение на производство анализируемого следственного действия для получения сведений о соединениях между всеми абонентами, обслуживавшимися конкретной базовой станцией. Так, судьей Острогожского районного суда Воронежской области разрешено получение информации о соединениях всех абонентских устройств в районе, прилегающем к частному жилому дому, из которого была совершена кража [75].

Вместе с тем в отдельных случаях в аналогичных ситуациях судьи придерживаются противоположной позиции, мотивируя свои решения тем, что «не имеется данных, свидетельствующих о том, что какие-либо лица, причастные к совершению преступления, осуществляли телефонные переговоры в месте совершения преступления, а получение сведений об абонентах и их соединениях, находящихся на указанной в ходатайстве территории, будет нарушать конституционные права на неприкосновенность частной жизни, тайну телефонных переговоров и иных сообщений неопределенного круга лиц, а не только причастных к совершению расследуемого преступления» [29].

В контексте того, что в результате производства данного следственного действия содержание переговоров между абонентами не становится доступным восприятию следователя, представляется возможным распространение данного следственного действия не только на получение сведений о соединениях конкретного абонента (абонентского устройства), но и сведения о соединениях всех средств электросвязи, обслуживаемых

определенной базовой станцией, при условии обоснованности заявляемого следователем ходатайства в суд.

3.7 Допрос и очная ставка

Допрос является одним из самых распространённых и востребованных следственной практикой следственных действий. Обладая своей спецификой, определяющей сложности производства и получения доказательственной информации, допрос продолжает служить эффективным способом получения доказательств при производстве по практически любым категориям расследуемых уголовных дел.

Различные индивиды являются носителями сведений, которые могут быть получены процессуальным путём благодаря производству такого следственного действия, как допрос.

При производстве расследования уголовного дела, следователь не только стремится получить от конкретных лиц данные о событии преступления и о связанных с ним обстоятельствах, но и использует полученные результаты для установления фактов, ранее ему неизвестных, проверяет и оценивает их, выдвигает новые версии. Таким образом, допрос как способ получения информации имеет ярко выраженное познавательное значение.

Допрос, несомненно, играет важную роль в процессе получения доказательственной информации на основе коммуникативного взаимодействия между лицом, осуществляющим производство предварительного расследования, и участником уголовного процесса, обладающим сведениями, имеющими значение для уголовного дела.

Г.Г. Доспулов полагал, что «допрос – это урегулированное взаимодействие следователя с допрашиваемым лицом в целях получения

информации, имеющей значение для дела, исходя из того, как она была воспринята и сохранена в его памяти» [20].

Различными авторами также даются следующие определения допроса:

«это регламентированный уголовно-процессуальным законом устный диалог между должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело (дознавателем, следователем), и подозреваемым, обвиняемым, свидетелем и потерпевшим в целях получения сведений, имеющих доказательственное значение» [45, с. 105];

«это следственное действие, имеющее своим основным содержанием получение от лица в устной форме и закрепление в установленном законом порядке сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а также позволяющее допрашиваемому лицу выразить свою позицию по делу» [56, с. 12];

На основе изложенных мнений, представляется возможным сформулировать следующее определение:

«Допрос – это следственное действие, содержанием которого является получение должностным лицом, имеющим властные полномочия, показаний от допрашиваемого лица об известных ему обстоятельствах, которые имеют значение для уголовного дела».

Можно выделить следующие существенные признаки допроса как процессуального действия.

Во-первых, допрос является как следственным, так и судебным действием, поскольку может производиться на различных стадиях уголовного процесса.

Во-вторых, допрос - это процесс получения информации, т.е. это процессуальное действие с ярко выраженной познавательной направленностью.

В-третьих, данное действие осуществляется органом расследования или судом в пределах особой процессуальной формы.

В-четвёртых, допрос может осуществляться только после возникновения уголовно-процессуальных отношений и только в их рамках, что предполагает возможность производства допроса только после возбуждения уголовного дела.

Примечательно, что требования, касающиеся производства допроса, отражены не только в части 2 УПК РФ «Досудебное производство», но и в части 1 УПК РФ «Общие положения».

В частности, ч. 4 ст. 56 УПК РФ предусматривает право свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников. В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ, не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди.

Важно заметить, что 29.06.2004 г. Конституционный Суд РФ в постановлении №13-П указал, что из Конституции России и УПК РФ «не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу» [59].

Анализируя положения главы 26 УПК РФ, нельзя не обратить внимание на нормы, регламентирующие продолжительность допроса: для совершеннолетнего допрашиваемого – 4 часа непрерывно и 8 часов в течение дня, с перерывом не менее чем на час для отдыха и приёма пищи (ч. 2 и 3 ст. 187 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ, для несовершеннолетних допрашиваемых продолжительность допроса дифференцирована в зависимости от возраста, что вполне оправдано:

- до семи лет – 30 минут непрерывно, 1 час в течение дня;

- от семи до четырнадцати лет – 1 час непрерывно, 2 часа в течение дня;
- от четырнадцати до восемнадцати лет – 2 часа непрерывно, 4 часа в течение дня.

Тем самым, законодатель учёл возрастные особенности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Ещё одной гарантией бережного отношения к несовершеннолетним выступает предусмотренное ч. 1 ст. 191 УПК РФ обязательное участие педагога или психолога в производстве допроса (а также очной ставки и проверки показаний) с участием несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет (либо, если лицо достигло указанного возраста, но страдает психическим расстройством или отстаёт в психическом развитии). А если такое лицо принимает участие в производстве по уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности – обязательным является участие в производстве вышеназванных следственных действий психолога.

В ч. 4 ст. 187 УПК РФ сказано о том, что «при наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача», что говорит о создании дополнительных гарантий заботы о здоровье допрашиваемого, во избежание ухудшения его состояния в процессе производства допроса.

3.8 Предъявление для опознания

Предъявление для опознания представляет собой следственное действие, которое заключается в предъявлении лицу объектов, в целях идентификации одного из них, как воспринимавшегося лицом ранее, по тем приметам и особенностям, которые были обозначены данным лицом во время предварительного допроса.

Объектами опознания, при буквальном толковании ч. 1 ст. 193 УПК РФ могут выступать люди, различные предметы и трупы. Однако, как отмечается в научных публикациях, в качестве объектов при опознании могут иметь место также «животные, жилища, иные помещения» [8], «человеческий голос и речь, рукописный текст, запах, участки местности» [7, с. 116] и иные объекты, прямо в тексте ст. 193 УПК РФ не упомянутые.

В контексте нормативного закрепления этических основ производства рассматриваемого следственного действия обращает на себя внимание положение, закреплённое в ч. 4 ст. 193 УПК РФ, касающееся порядка предъявления для опознания трупа (распространяющиеся, как представляется, и на предъявление частей трупа).

По общему правилу, объект опознания предъявляется опознающему в ряду с однородными (сходными) с ним объектами в количестве не менее трёх, что обеспечивает объективность узнавания. Однако, в соответствии с вышеназванной нормой, данное правило не распространяется на труп, который предъявляется для опознания в единственном экземпляре.

Гарантиями правильности опознания являются:

- установление количественного минимума объектов, предъявляемых для опознания;
- обязательный предварительный допрос опознающего об условиях наблюдения и признаках объекта, по которым он сможет его опознать;
- право опознаваемого лица занять среди предъявляемых для опознания место по своему усмотрению;
- запрет задавать опознающему наводящие вопросы при предъявлении для опознания.

Предъявление для опознания может позволить получить значимый для успешного расследования уголовного дела результат.

Следует обратить внимание на то, что в действующем УПК РФ анализируемое следственное действие может производиться только по мысленному образу, который сформировался у опознающего зрительно (визуально).

Образы, которые возникли у опознающего благодаря использованию других органов чувств – осязание, запах, вкус, слух не могут лечь в основу производства опознания. Такое законоположение существенно ограничивает потенциал анализируемого следственного действия.

Для полноценной реализации потенциала, которым обладает предъявление для опознания, необходимо заменить в тексте ч. 2 ст. 193 УПК РФ слово «видели» на более широкое по объему понятие «воспринимали», что позволит осуществлять идентификацию объектов в рамках анализируемого следственного действия не только по зрительному, но и по иному образу, сформированному посредством использования иного органа чувств.

3.9 Проверка показаний на месте

Согласно п. 2 ст. 194 УПК РФ сущность проверки показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывая на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия.

Речь идёт о воспроизведении не только своих действий, но и действий иных лиц (например, соучастников преступления).

Проверка показаний на месте, будучи регламентированной ст. 194 УПК РФ, не является разновидностью допроса, или же разновидностью следственного эксперимента, несмотря на наличие ряда смежных аспектов производства.

Целью анализируемого следственного действия состоит, в первую очередь, в уточнении уже полученных в ходе допроса сведений, в тех случаях, когда есть предпосылки к получению более точных данных об обстоятельствах совершённого преступления на месте, связанном с исследуемым событием.

Нормативная регламентация производства проверки показаний на месте не идеальна и может быть скорректирована с учётом ряда моментов.

Не все используемые в ст. 194 УПК РФ формулировки безоговорочно принимаются учёными – в частности, фраза «место, связанное с исследуемым событием» критикуется некоторыми авторами [89, с. 15], которые предполагают конкретизировать данное место, как «место происшествия».

Вряд ли можно согласиться с таким предложением, поскольку необходимость проверить показания лица может быть связана не только с местом происшествия, но и любым другим местом, имеющим связь с событием преступления.

Таким образом, существующий в ст. 194 УПК РФ оборот позволяет следователю, руководствуясь процессуальной самостоятельностью и собственным разумением, определять место производства данного следственного действия без неразрывной связи с местом происшествия, что создаёт предпосылки более универсального применения проверки показаний на месте.

Следует отметить, что данное следственное действие является хорошим способом выявления лжи в показаниях лица (или лиц), так как делает возможным сопоставление и анализ сообщённой ранее информации, уже имеющихся сведений, полученных из других источников, а также практических действий в месте производства проверки показаний.

Аналогичным образом, через производство проверки показаний на месте может быть выявлен самоговор. Как верно отмечают исследователи: «Лицо, которое оговаривает себя по той, или иной причине, как правило,

лишено возможности достоверно показать специфику нанесения ударов, точную их локализацию и прочие подробности, неизвестные кому-либо, не причастному к совершению деяния» [89, с. 16].

В правоприменительной работе сотрудников правоохранительных органов не являются исключением ситуации, связанные с, который можно достаточно легко опровергнуть именно посредством проверки показаний на месте.

Относительно заведомо ложного доноса и заведомо ложных показаний, анализируемое следственное действие может сыграть важную роль, обеспечив, с одной стороны, не привлечение невинного лица к уголовной ответственности, а с другой – возможность возбуждения против недобросовестного лица, которое сделало ложный донос или дало ложные показания уголовного дела по ст. 306 или 307 УК РФ.

Исходя из положений ст. 194 УПК РФ, при производстве данного следственного действия нельзя осуществлять проверка на месте показаний нескольких лиц одновременно. Вероятно, таким образом законодатель стремился обеспечить большую объективность получаемых в ходе производства следственного действия сведений.

Судя по всему, законодатель счёл это угрозой объективности, ведь если в процессе данного следственного действия участвует несколько лиц, как разграничить, что именно вспомнил и воспроизвёл участник следственного действия, а что он воспроизвёл в силу того, что узнал это от второго участника, или же сделал косвенный вывод об этом, наблюдая за его действиями.

При необходимости осуществить проверку показаний нескольких участников уголовного судопроизводства, данное следственное действие может быть проведено с каждым индивидуально в разное время, даже если речь идёт об одном и том же месте.

Не допускается проверка показаний в том числе нескольких обвиняемых, проходящих по одному и тому же уголовному делу.

В науке высказано интересное мнение на этот счёт. М.В. Давыдов и А.Ю. Харыбин считают, что: «Проверка на месте по одному и тому же событию показаний нескольких лиц не лишено смысла, особенно в тех случаях, когда по уголовному делу проходят несколько лиц, занимающих различную позицию по отношению к расследованию. Преимущество одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц перед отдельной очевидна».

Дело в том, что противоречия по тем или иным обстоятельствам проверяемого события устраняются за счет приводимых доводов в пользу занимаемой позиции, подкреплённой определёнными действиями на месте. Более того, спорность в показаниях участников следственного действия могут быть устранены благодаря эффекту присутствия того участника, показания которого соответствуют обстановке совершенного преступления» [19, с. 49].

При этом, авторы предлагают не исключать анализируемый запрет из ч. 3 ст. 194 УПК РФ, а создать некоторые исключения из данного запрета. В частности, авторы считают, что «в случае если ранее проведенные проверки показаний на месте нескольких лиц (по отдельности друг от друга) по одним и тем же обстоятельствам выявили противоречия, одновременное производство названного следственного действия поможет их устранить» [19, с. 49].

В таком варианте, проверка показаний на месте превращается в некое подобие «очной ставки на месте», что, в принципе может иметь смысл, как способ устранения существенных противоречий в показаниях нескольких лиц. Особенно когда противоречия обусловлены прежде всего обстановкой на месте проверяемого события.

Таким образом, взяв за основу высказанное предложение, представляется возможным внести изменение в ч. 3 ст. 194 УПК РФ, изложив её в следующей редакции: «Не допускается одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц. В исключительных случаях с участием

обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего проводится одновременная проверка показаний на месте, если в показаниях нескольких лиц относительно одного и того же события имеются противоречия».

Учёт подобных предложений в контексте совершенствования существующих нормативных предписаний, в принципе, может позволить тем самым улучшить правоприменительную практику и расширить спектр ситуаций, при которых производство проверки показаний на месте может дать желаемые результаты.

3.10 Производство судебной экспертизы

Производству судебной экспертизы в тексте УПК РФ посвящена отдельная глава – глава 27, в рамках которой находят своё отражение вопросы, касающиеся назначения и производства судебной экспертизы.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в своём Постановлении от 21.12.2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращает внимание судов на «необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле» (п. 1).

С.А. Шейфер указывал на то особое место, которое занимает судебная экспертиза в системе следственных действий, представляя собой длительную и опосредованную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию [91, с. 59].

Многочисленным проблемам, связанным с назначением и производством экспертиз по уголовным делам, продолжает уделяться внимание в современных монографических исследованиях [61] [62] [74].

Следует отметить, что если экспертиза состоит в проведении сравнительного исследования и ее целью является идентификация, то «для ее обеспечения законом предусмотрено специальное следственное действие – получение образцов для сравнительного исследования. Речь идет о так называемых экспериментальных образцах (например, почерка, волос, крови, слюны, спермы, других выделений человеческого организма и др.), которые подлежат сравнению с вещественными доказательствами, уже имеющимися в деле» [8].

Требования этики предопределяют невозможность применение при получении образцов для сравнительного исследования методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

То есть, применяемые при этом методы, должны не только соответствовать современным научным основам и быть эффективными относительно точности и информативности полученных результатов, но и быть безопасными для жизни и здоровья человека, а также не противоречить существующим представлениям о нравственности.

В ч. 2 ст. 202 УПК РФ законодатель лишь констатирует наличие данного требования, связанного с получением образцов для сравнительного исследования, однако, как определить, унижает ли конкретная методика честь и достоинство личности, или нет?

Как отмечается А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским, «достоинство личности - это осознание самим человеком и признание окружающими людьми того, что он обладает достаточной совокупностью этических и интеллектуальных положительных (социально-признанных) свойств. Следовательно, если способ принудительного изъятия образцов так или иначе

умаляет названные положительные свойства личности, то он неправомерен. Так, например, нельзя признать законным изъятие образцов способом, объективно ставящим лицо в положение, порождающее у него чувство стыда, ибо стыдливость есть положительное этическое свойство личности» [69].

К подобным выводам приходит А.А. Березин [11].

В соответствии со ст. 203 УПК РФ в целях обеспечения производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы предусматривается возможность помещения подозреваемого (обвиняемого) в медицинский или психиатрический стационар, что сопряжено с ограничением конституционных свобод личности и предполагает, соответственно, судебное санкционирование, в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. На это обращают внимание некоторые авторы [5].

В науке обращается внимание на отсутствие определённости в круге субъектов, к которым может быть применена принудительная госпитализация для проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы.

Законодатель вполне конкретен в отношении подозреваемых или обвиняемых, которые могут быть помещены в медицинское учреждение для производства стационарной судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 УПК РФ). В отношении же свидетели и потерпевшего вопрос лишён конкретного ответа.

Как отмечает И.Н. Кондрат, «уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает помещение потерпевшего или свидетеля в медицинский либо психиатрический стационар для производства судебной экспертизы. Однако из содержания п. 4 ст. 196 УПК РФ, закрепляющего обязательность назначения судебной экспертизы в случае, когда необходимо установить психическое или физическое состояние потерпевшего, следует, что производство стационарной экспертизы в отношении этого лица в принципе возможно» [33, с. 1].

Однако, подобное ограничение прав потерпевшего если и может быть допустимо с этических позиций, то лишь в узко-определённых целях: например, в целях проверки достоверности его показаний. К подобному выводу приходит и вышеназванный автор.

В науке высказана точка зрения о возможности принудительного помещения потерпевшего, а также свидетеля в медицинское учреждение с санкции прокурора [35, с. 120].

Тем не менее, из содержания норм УПК РФ не ясно, допускается ли принципиальная возможность производства стационарной судебной экспертизы в отношении свидетеля, в том числе в принудительном порядке. Думается, что применение такого рода принуждения к свидетелю неправомерно исходя из анализа норм УПК РФ, а также взаимосвязанных с ними положений Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ч. 4 ст. 28).

Следует констатировать, что принудительное стационарное обследование свидетеля не представляется этичным и в силу этого не должно быть допустимо законодателем и правоприменителем.

Заключение

В заключении работы подведём общие итоги и сформулируем выводы по исследуемой проблематике и предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Отсутствию единообразного понимания понятия и сущности следственных действий способствует отсутствие нормативного закрепления соответствующей дефиниции данной процессуальной категории как в ст. 5 УПК РФ, так и в иных его нормах, несмотря на то, что сам оборот «следственные действия» законодатель в тексте УПК РФ употребляет весьма активно.

Проанализированные научные позиции, связанные с определением обозначенной категории, позволяют определить следственные действия как: производимые следователем или дознавателем (органом дознания) в досудебном производстве уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Для устранения существующих споров относительно сущности и категоризации следственных действий представляется целесообразным нормативно закрепить соответствующее понятие на законодательном уровне в рамках ст. 5 УПК РФ. Также следует законодательно определить исчерпывающий перечень следственных действий, чтобы способствовать устранению дискуссии о разновидностях этих процессуальных действий.

Нормативная регламентация производства отдельных следственных действий произведена законодателем в главах с 24 по 27 УПК РФ. Исходя из содержания данных глав УПК РФ, а также позиций большинства учёных-процессуалистов, в систему следственных действий традиционно включают:

- осмотр,
- освидетельствование,

- следственный эксперимент,
- обыск,
- выемку,
- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления,
- контроль и запись переговоров,
- получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами,
- допрос,
- очную ставку,
- предъявление для опознания,
- проверку показаний на месте,
- производство судебной экспертизы.

Оговоримся – не все процессуальные действия, обозначенные выше, отдельные учёные относят к числу следственных – на этот счёт существовали и продолжают существовать различные мнения.

Следует также отметить, что система следственных действий не одномоментное явление – неизменное и статичное. Безусловно, нормативно-определённый перечень следственных действий является закрытым, но с учётом развития технологий и научной мысли в него могут вноситься соответствующие изменения, расширяющие перечень следственных действий новыми.

Не любой способ, направленный на получение нового, или проверку уже имеющегося доказательства, может быть законодательно закреплён в качестве нового следственного действия. Подобное закрепление должно иметь соответствующее обоснование. Более того, сам приём, как представляется, должен отвечать ключевым требованиям: новое следственное действие не должно противоречить принципиальным основам уголовного судопроизводства. Данное требование реализуется посредством закрепления

процессуального порядка производства следственного действия, с соблюдением предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий. Также, как видится, каждый новый приём, претендующий стать следственным действием, должен быть основан на научно-обоснованной базе.

Таким образом, прежде, чем некий новый приём, выработанный наукой, станет официальным следственным действием, должна пройти его практическая апробация, в ходе которой должна проверяться теоретическая и практическая состоятельность такого приёма. И только после этого может выноситься на обсуждение вопрос о закреплении такого познавательного приёма в систему следственных действий.

Относительно возможности включения в систему следственных действий использования полиграфа, которое облекается в форму психофизиологической экспертизы (ПФЭ) и на протяжении многих лет претендует на включение в число следственных действий, следует ответить отрицательно, соглашаясь с мнением учёных, которые выражают негативное отношение к подобной перспективе, поскольку получаемые в ходе производства психофизиологической экспертизы результаты не являются надёжными. Практика признания результатов психофизиологической экспертизы в качестве доказательства по уголовным делам противоречива – можно лишь предполагать, но никак не утверждать о достоверности выводов, полученных в ходе психофизиологических исследований на полиграфе.

Анализ общих правил производства следственных действий позволяет сделать следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование правоприменения.

В ч. 1 и 2 ст. 164 УПК РФ законодатель чётко определяет, какие следственные действия производятся на основании постановления следователя, а какие производятся на основании судебного решения.

Соответственно, вынесения постановления следователя о производстве следственного действия требуют: освидетельствование, обыск и выемка.

Также законодатель в данном ряду следственных действий указывает на вынесение постановления о производстве эксгумации, однако, эксгумация не является следственным действием – эксгумация является процедурой, обеспечивающей возможность проведения процессуальных действий с телом умершего, в частности, проведения следственного осмотра.

В этой связи, упоминание в ч. 1 ст. 164 УПК РФ ч. 3 ст. 178 УПК РФ видится излишним и нарушает общую логику нормы, касающейся санкционирования следственных действий. Представляется необходимым убрать из ч. 1 ст. 164 УПК РФ данное упоминание. Таким образом, ч. 1 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «Следственные действия, предусмотренные статьями 179, 182 и 183 настоящего Кодекса, производятся на основании постановления следователя».

Обращает на себя внимание наличие в ч. 2 ст. 164 УПК РФ ссылки на п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в котором идёт речь о наложении ареста на имущество, которое неправомерно рассматривать в качестве следственного действия. Данное указание следует считать ошибочным в связи с чем в ч. 2 ст. 164 УПК РФ следует внести изменение, убрав ссылку на п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

Таким образом, ч. 2 ст. 164 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «В случаях, предусмотренных пунктами 4 - 8, 11 и 12 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения».

Анализ проблем производства отдельных следственных действий также позволяет сформулировать ряд выводов и рекомендаций по совершенствованию существующего нормативного регулирования.

Говоря о производстве освидетельствования в особом порядке, связанном с обнажением освидетельствуемого (ч. 4 ст. 179 УПК РФ), представляется целесообразным внести изменение в указанную норму, направленную на защиту интересов освидетельствуемого.

Таким образом, в предлагаемой редакции, ч. 4 ст. 179 УПК РФ может выглядеть следующим образом: «При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом, пол которого может отличаться от пола освидетельствуемого, при наличии согласия освидетельствуемого».

Говоря о производстве выемки, некоторые авторы ставят вопрос о том, могут ли выступать орудия преступлений, разыскиваемые лица и трупы в качестве объектов выемки?

Думается, что орудия преступления могут в полной мере рассматриваться в качестве объекта выемки, а выемка живых лиц и трупов вряд ли возможна, хотя некоторые авторы, теоретически, такую возможность допускают, не усматривая противоречий действующему закону.

Что же касается выемки живых лиц, разыскиваемых в связи с производством по уголовному делу, даже когда становится доподлинно известно о месте их нахождения, объектом рассматриваемого следственного действия они быть не могут, в силу прямого указания в ч. 1 ст. 183 УПК РФ на изъятие лишь предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Что касается такого следственного действия, как контроль и запись переговоров, само наименование данного следственного действия, а также его определение в п. 14.1 ст. 5 УПК РФ подвергается критике.

Формулирование содержательной стороны данного следственного действия во многом устарело – акцент на традиционных телефонных переговорах утратил свою актуальность.

В настоящее время широко применяются самые разные способы осуществлять переговоры, благодаря развитию цифровых технологий, что позволяет при осуществлении непосредственно аудиальных переговоров,

параллельно осуществлять передачу текстовых и мультимедийных сообщений.

С учётом требований времени и современных тенденций, связанных с рассматриваемой сферой межличностных коммуникаций, анализируемое следственное действие нуждается в усовершенствовании своего нормативного определения.

С учетом изложенного, анализируемое следственное действие можно было бы определить как «контроль соединений средств электросвязи» и переформулировать текст п. 14.1 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «контроль соединений средств электросвязи - следственное действие, заключающееся в контроле и фиксации содержания сведений, передаваемых по средствам электросвязи; осмотр и прослушивание фонограмм зафиксированных голосовых сообщений; осмотр распечаток зафиксированных неголосовых сообщений».

Что касается критики относительно недавно появившегося следственного действия, именуемого в ст. 186.1 УПК РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», то в статье 186.1 УПК РФ законодатель не конкретизировал – относительно индивидуально определённых, или же и индивидуально неопределённых в том числе, абонентов (абонентских устройств) допустимо получение информации о соединениях?

Однако, ответ на данный вопрос представляется необходимым, так как в практике расследования уголовных дел может возникнуть необходимость в получении информации о соединениях между всеми абонентами (абонентскими устройствами), находившимися в определенное время в определенном месте (в зоне действия базовой станции).

В контексте того, что в результате производства данного следственного действия содержание переговоров между абонентами не становится доступным восприятию следователя, представляется возможным

распространение данного следственного действия не только на получение сведений о соединениях конкретного абонента (абонентского устройства), но и сведения о соединениях всех средств электросвязи, обслуживаемых определенной базовой станцией, при условии обоснованности заявляемого следователем ходатайства в суд.

Что касается такого следственного действия, как предъявление для опознания, в действующем УПК РФ анализируемое следственное действие может производиться только по мысленному образу, который сформировался у опознающего зрительно (визуально).

Образы, которые возникли у опознающего благодаря использованию других органов чувств – осязание, запах, вкус, слух не могут лечь в основу производства опознания.

Такое законоположение существенно ограничивает потенциал анализируемого следственного действия.

Для полноценной реализации потенциала, которым обладает предъявление для опознания, необходимо заменить в тексте ч. 2 ст. 193 УПК РФ слово «видели» на более широкое по объему понятие «воспринимали», что позволит осуществлять идентификацию объектов в рамках анализируемого следственного действия не только по зрительному, но и по иному образу, сформированному посредством использования иного органа чувств.

Относительно проверки показаний на месте, представляется целесообразным скорректировать текст ч. 3 ст. 194 УПК РФ в целях создания возможности для одновременной проверки показаний нескольких лиц.

Это было бы целесообразно в случаях, когда проверка показаний на месте может способствовать устранению существенных противоречий в показаниях нескольких лиц.

Таким образом, представляется возможным внести изменение в ч. 3 ст. 194 УПК РФ, изложив её в следующей редакции: «Не допускается одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц.

В исключительных случаях с участием обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего проводится одновременная проверка показаний на месте, если в показаниях нескольких лиц относительно одного и того же события имеются противоречия».

Таким образом, тематика следственных действий продолжает притягивать к себе внимание исследователей, что вполне оправдано, с учётом значимости данного института в контексте производства по уголовному делу.

С учётом сложности, дискуссионности, многогранности и многоаспектности системы следственных действий в действующем УПК РФ, представляется необходимым продолжать исследования в обозначенном направлении, а также планомерно совершенствовать нормативное регулирование в указанной сфере.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авдеев В.Н. Некоторые вопросы правовой регламентации института следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве России // Новое уголовно-процессуальное законодательство РФ: проблемы теории и практики. Материалы научно-практической конференции. - Калининград, 2003. - С. 88-99.
2. Александрова О., Вандышев В., Малинин В. Соотношение понятий «неотложные» и «первоначальные» следственные действия // Уголовное право. 2012. №4. - С. 63-70.
3. Аленин А.П. Виды и система следственных действий // Правоведение. 2004. №1. - С. 87-102.
4. Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 25 с.
5. Алонцева Е.Ю., Глушков А.И. Некоторые аспекты реализации полномочий следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда // Российский следователь. 2006. №9. - С. 4-7.
6. Бадушева Д.А. Особенности освидетельствования как отдельного следственного действия // Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия. Материалы республиканской научно-практической конференции. - Элиста: Изд-во КГУ, 2008. - С. 93-97.
7. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – М.: Эксмо, 2009. – 208 с.
8. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: Проспект, 2017. – 608 с.

9. Безлепки́н Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. – М.: Проспект, 2018. – 304 с.
10. Белозеров Ю.Н., Рябокoнь В.В. Производство следственных действий: Учебное пособие. – М.: МССШМ МВД СССР, 1990. – 89 с.
11. Березин А.А. Защита прав граждан адвокатом в уголовном процессе. – М.: Статут, 2014. – 160 с.
12. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань: Познание, 2008. – 230 с.
13. Быков В.М. Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. 2007. №1. - С. 70-75.
14. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: Учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976. – 350 с.
15. Быховский И.Е., Лузгин И.М. Реконструкция как самостоятельное следственное действие // Правоведение. 1971. №3. - С. 132-135.
16. Волчецкая Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: Материалы Всерос. науч-практ. конф. - Краснодар, 2002. - С. 32-37.
17. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Учебное пособие. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. – 187 с.
18. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999. – 150 с.
19. Давыдов М.В., Харыбин А.Ю. Вопросы совершенствования законодательной регламентации производства проверки показаний на месте при расследовании преступлений // Юрист-Правоведь. 2017. №2 (81). - С. 48-50.

20. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. - М., 1976. – 103 с.
21. Доступов Г.Г. Информационно-доказательственный процесс и психологические основы деятельности следователя: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - СПб.: СПбГУ, 1992. – 35 с.
22. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. - 216 с.
23. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. – М.: Юстицинформ, 2009. – 504 с.
24. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1965. – 183 с.
25. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. - М.: Юрлитинформ, 2010. – 205 с.
26. Зотов Д.В. О недопустимости доказательств, сформированных на основе психофизиологических исследований на полиграфе // Законность. 2015. №10. - С. 50-55.
27. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 06.03.2013 г. №32-О13-5 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
28. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.01.2012 г. №11-О11-99 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
29. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда от 01.03.2011 г. по делу №22-244-2011 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. Т. 4. – 278 с.

31. Комягина Ю.С., Лаврухин С.В. Следственные действия: сущность, классификация, принципы. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. – 248 с.

32. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заклучена 10.12.1984 г.) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990.

33. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. – М.: Юстицинформ, 2015. – 176 с.

34. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

35. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. – 136 с.

36. Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе: Практическое пособие для экспертов и судей. – М.: Пресс Бюро, 2012. – 79 с.

37. Криминалистика: учеб. / под ред. В.А. Образцова. – М., 1999. – 920 с.

38. Кругликов А.П. Неотложные следственные действия // Уголовное право. 2004. №3. – С. 91-99.

39. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбУ МВД России, 2001. – 41 с.

40. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. - М.: БЕК, 1996. – 129 с.
41. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. – М.: Юрид. лит., 1970. – 308 с.
42. Ларин Е.Г. Профессор А.А. Чувилев о понятии и признаках следственного действия // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А.А. Чувилева: Сборник статей. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. - С. 105-110.
43. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М.: ВШ МВД СССР, 1969. – 178 с.
44. Макарова З.В. Доказательства в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. - Екатеринбург: Уральский университет, 2005. - С. 39-48.
45. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс. – М., 2010. – 400 с.
46. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 26.09.2001 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2001 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. №12.
47. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1987. - 797 с.
48. Определение Верховного Суда РФ от 17.02.2011 г. №203-О11-1 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
49. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 г. №248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

50. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. №3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

51. Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. №2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

52. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 г. №158-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

53. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 г. №644-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богородицкого Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «О милиции» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

54. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. №1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

55. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. №1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей

статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

56. Пашин С.А. Содержательные аспекты допроса в уголовном судопроизводстве // Юридическая психология. 2007. №3. - С. 11-15.

57. Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: Учебное пособие. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2006. - С. 30-35.

58. Понкин И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №37. - С. 249-259.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. №4, 2004.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. №19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №7, июль, 2017.

61. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. – 576 с.

62. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2011. – 464 с.

63. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2. - С. 16-31.

64. Рыжаков А.П. Личный обыск лица, в отношении которого оформляется протокол задержания. Комментарий к статье 93 УПК РФ // СПС «Консультант плюс», 2006.
65. Рыжаков А.П. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и выемка: основания и порядок производства: научно-практическое руководство. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – 125 с.
66. Рыжаков А.П. Следственный эксперимент. Комментарий к ст. 181 УПК РФ // СПС «Консультант плюс», 2004.
67. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. – М.: Юрид. лит., 1982. – 199 с.
68. Семенцов В.А. Следственные действия: Учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – 122 с.
69. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2009. – 992 с.
70. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
71. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Lex russica. 2017. №3. - С. 141-153.
72. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. №2. С. 95. - С. 88-97.
73. Стельмах В.Ю. Предмет контроля и записи переговоров как следственного действия // Актуальные проблемы российского права. 2016. №2. - С. 153-161.
74. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. – М.: Проспект, 2017. – 128 с.
75. Уголовное дело №10393301. 2010 год // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

76. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. №1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. №2. Ст. 198.
77. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. №1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. №2. Ст. 198.
78. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
79. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1 - 32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. - М.: Редакция "Российской газеты", 2015. Вып. III - IV. - 912 с.
80. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. №40. Ст. 592.
81. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
82. Федеральный закон от 01.07.2010 г. №143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. №27. Ст. 3427.
83. Федеральный закон от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. №7. Ст. 900.
84. Федеральный закон от 07.07.2003 г. №126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. №28. Ст. 2895.
85. Хайдаров А.А. Следственно-судебные действия: проблемы регламентации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. №2 (26). - С. 282-288.
86. Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: СГАП, 2003. – 25 с.
87. Холодный Ю.И. Совершенствование методического обеспечения криминалистических исследований с применением полиграфа // Юридическая психология. 2014. №1. - С. 10-12.

88. Холодный Ю.Н. Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. №3. – С. 25-30.
89. Центров Е.Е. Проверка показаний на месте в системе следственных действий и процесс доказывания (статья первая) // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 3 (47). - С. 14-24.
90. Чувилев А.А., Добровольская Т.Н. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по особенной части: Учебно-методический материал. – М.: МВШМ, 1986. – 122 с.
91. Шейфер С.А. Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». - М.: Проспект, 2007. - С. 56-59.
92. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №2. - С. 5-11.
93. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
94. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М., 1981. – 156 с.
95. Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010, Вып. 5. - С. 258-264.
96. Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012.
97. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.
98. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008.

99. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.

100. Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002.

101. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.